

Татьяна Веденская

Ключ к сердцу Майи

роман

*Возвращает к счастливой жизни быстрее,
чем сеанс психотерапевта*

Татьяна Веденская
Ключ к сердцу Майи
Серия «Позитивная проза»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35511123
Ключ к сердцу Майи: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-096021-7

Аннотация

Как не верить женской интуиции?! Лиза знает: в этот теплый майский день обязательно произойдет что-то нехорошее. Не потоп, так пожар, или муж выкинет очередной фортель. Вечером, когда все домашние и друзья собираются за столом, чтобы сыграть в покер, близкая подруга – Майя – внезапно теряет сознание. Предчувствия Лизу не обманули! Именно в этот момент в доме Ромашиных все встает с ног на голову...

Содержание

Глава 1. Плохая примета	6
Глава 2. На реке[2] я наконец увидела труп врага	20
Глава 3. Горький вкус победы	37
Глава 4. Не биткоины	54
Глава 5. История Майи Ветровой, рассказанная ею самой	70
Глава 6. Хороший человек	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Татьяна Веденская

Ключ к сердцу Майи

© Саенко Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

DISCLAIMER

Нижеизложенное описание жизни, метаний и треволнений Лизаветы и Фаи Ромашиных является вымыслом, допущением, шуткой, бредом и параллельной реальностью автора. Любые совпадения являются мистикой, имеют скрытый смысл и двойное дно.

*Мы способны на все, но всего нам не успеть...
Автор неизвестен*

*Ящик Пандоры открылся, и оттуда, ухмыляясь,
вылез мой в зюю пьяный бывший...
Народное*

*Не открывай дверь, которую ты не в силах
закрывать.
Арабская пословица*

Abyssus abyssum invocate

Глава 1. Плохая примета

Эта история началась с игры в покер и хитрющего рыжего кота, проскользнувшего в нечаянно открытую дверь. Каждый из нас находился в тот момент не на своем месте, не там, где он должен был быть, а все знают, что даже маленькая ошибка может привести к большим проблемам. К примеру, к таким, когда в твой дом врывается наряд. И это не тот наряд, который выбираешь для себя каждый день перед зеркалом, а полицейский наряд – мужчины в пятнистой форме и бронежилетах. С некоторых пор я чертовски не люблю людей в форме. Даже если они и без нее – тоже не люблю, у меня на них теперь аллергия. Но ведь никогда не предскажешь, где именно и что пойдет не так.

Итак, дано: одна неплотно прикрытая дачная дверь, один непослушный рыжий кот и одна запутавшаяся в своих чувствах девушка. Надо: принимать решения и отвечать за свои поступки. Но это-то ведь как раз хуже всего. Впрочем, обо всем по порядку. Были майские праздники, светило солнышко, но на едва зазеленевшихся кустах лежал еще нестойкий, похожий на хлопок, майский снег. Он таял, осыпая все искрящимися на солнце каплями, и это было волшебство, неправдоподобное, как горячий торт «Аляска» с обжигающе ледяным мороженым внутри. Невероятно, но факт, и вкусно

к тому же. Я ахала и прыгала вокруг кустов, фотографируя их на свой телефон, пока ко мне не подобралась Файка, моя родная сестра. Она посмотрела на кусты с неодобрением.

– Природа сошла с ума, – пожалала плечами Фаина, с опаской поглядывая на солнечное небо. – Только и жди какого-нибудь урагана. Или вообще шторма.

– Ты, как всегда, полна оптимизма, – рассмеялась я. – Откуда шторм в Подмосковье?

– Вот именно! – кивнула она, словно сам мой вопрос доказал ее точку зрения, и ушла. Можно ли найти двух более разных людей, чем мы с Фаиной? Это так странно, что мы с ней разделяем общее ДНК, что у нас одни и те же родители.

Повозившись, Файка открыла скрипучую дверь, и все мы шумною толпой завалились на нашу семейную дачу, чтобы подышать, оторваться от города и в полной мере осознать в очередной раз, как крепко мы все привязаны к прелестям цивилизации. Без посудомойки и воздух нам не сладок, Майя и минуты прожить не может без бубнящего «ящика» с рекламой, и все мы поголовно морщились, глядя на добротный уличный туалет. «Совсем разбаловались», – сказала бы наша мама, протирая посуду бумажными полотенцами. Но ее-то с нами как раз не было. Она уехала в тридевятое царство со своим новым мужем, а мы остались здесь.

Мы – это, собственно, я сама и двое прилегающих ко мне детей, моя сестра Фая Ромашина, ее флегматичный, неприлично красивый гражданский муж Игорь, прозванный Малдером за сходство с молодым и прекрасным Дэвидом Духовны, и моя соседка Майя Ветрова в обнимку со своим обожаемым котом. Мы приехали все вместе, еле втиснувшись в вишневый «Опель» Игоря. К обеду приехал Юра Молчанов, бывший парень моей сестры, и не просто приехал, а привез нам – вот спасибо большое – свою новую пассию, девятнадцатилетнюю девицу Катюшу, которая вообразила себя фотографом и везде размахивала новеньким поляроидом. Катюша хлопала глазами, фотографировала свои пальцы – «потому что какие же они странные», и спрашивала, чем помочь по кухне. Фая старательно делала вид, что ей все равно, и улыбалась так широко, что я начала бояться, что у нее порвется рот. Все-таки, как-никак, Юра был «Бывшая Большая и Трагическая Любовь» моей сестры. И пусть теперь они с Юркой были просто друзьями, все же приезжать к нам на дачу с этой смазливой Катюшей, девятнадцатилетней к тому же, – это уже перебор.

Но, как говорится, что выросло, то выросло. Главное, чтобы эта чертова Катюша могла отличить стрит от флеш-рояля.

Часам к пяти подтянулось еще несколько знакомых по да-

че, пришедших к нам в дом чисто ради того, чтобы поиграть в покер. К примеру, любитель помидоров пенсионер Семен Евгеньевич – близкий мамин друг, подавленный новостью про мамино замужество. Он не подходил нашей компании ни по возрасту, ни по философским взглядам, ибо был коммунистом еще со времен СССР. Но мы не смогли ему отказать, когда он напросился на покер. В этой игре не важно, какие у тебя убеждения, во что ты веришь и как сильно вытянуты колени твоих тренеров. В покере все равны, и все, что нужно, – это обладать суммой, необходимой для начального взноса. А что еще необходимо от хорошего человека? Кирилл с Томой – это уже мои друзья – в покер играть не умели, но давно жаждали научиться, и деньги у них были. Им я бы ни за что не отказала, слишком мы соскучились за зиму, которую не виделись. Еще собирался приехать мой муж Сережа.

Не то что бы кто-то его приглашал к нам на дачу...

Никто его не звал, но это ничуть не остановило Сережу. Когда сегодня утром я собиралась на дачу, он появился на моем пороге с двумя сумками продуктов, завалил меня вопросами, пожеланиями и новыми несмешными анекдотами и, пока я не пришла в себя, пожелал мне хорошего отдыха, пообещал приехать к нам попозже и убежал в магазин – за чесноком, который он якобы забыл. Я только и хлопала глазами. Сережа словно говорил со мной на неведомом языке. В последнее время между нами наметилось страннейшее,

нелепейшее непонимание. В том, что я не понимала Сережу, не было ничего удивительного, это как бы нормально. Однако с некоторых пор сам Сережа категорически перестал понимать меня в целом и русский язык в частности. Это была проблема. И что делать с этим, я не знала. Я ведь как бы ушла от мужа. Думала, что ушла. Я вообще ждала Германа. Я хотела, чтобы Герман Капелин, человек, о котором я думала не переставая последний месяц, приехал ко мне на дачу, и посмотрел на меня с высоты своего двухметрового роста, и улыбнулся своей все понимающей улыбкой взрослого мужчины, в жизни которого уже все было. И запустил бы ладони в свои непослушные кудрявые темные волосы, такие редкие для мужчин. Посмотрел на меня своими темными, внимательными глазами – земное воплощение Джона Сноу¹. Ну или чтобы хотя бы позвонил. Но Герман не объявлялся, зато Сережа напоминал мне о себе чуть ли не каждый час.

– Лизавета, привет! – сказал он самым бытовым тоном со щепоткой доброжелательности. – А у нас есть приправа для плова? Я чего-то ее не найду.

– Я не знаю, – растерянно ответила я, отвернувшись от всевидящего ока моей сестры. Майя же только улыбнулась.

– Ладно, я сам посмотрю. Ты там отдыхай. Как дети? – спросил Сережа.

Это было так странно, что я даже поставила телефон на громкую связь, чтобы сестра могла слышать наш разговор. Я

---

¹ Джон Сноу – герой саги «Игра престолов» Джорджа Мартина (*примеч. авт.*).

ответила, что дети хорошо. Бегают и сбивают с кустов снег. Мы закончили разговор, Фая неодобрительно покачала головой, но ничего не сказала. Потом прошел час, и Сережа позвонил снова.

– Слушай, я тут чего-то закрутился, не знаю, смогу ли до вас добраться, – сказал он.

– Ну так не приезжай, – осторожно предложила я. – Мы же, собственно, тебя и не... – попыталась добавить я, но Сережа меня прервал:

– Я посмотрю, как чего. Может, успею. Постараюсь. Ты, главное, отдыхай, – снова добавил он. – Пообещай мне, что не станешь там все мыть и драить, Лиза. Пообещай мне. В конце концов, мама ваша уехала, никто вас пилить не будет, если вы не вытрясете половики. Погода хорошая, нечего пахать. Отдыхай!

– Я буду отдыхать, да. Обещаю, – растерянно согласилась я, и Сережа отключился. Мы помолчали, а потом Файка с нескрываемым разочарованием бросила:

– Заботливый какой!

– Я не понимаю, – развела руками я. – Я же ведь... кажется, бросила его. Разве нет? Ведь не померещилось же мне, а?

– Ты уверена? – скривилась Фаина. – Может быть, тебе только показалось, что ты его бросила? В конце концов, ты могла бросить его во сне. Это тоже возможно. У меня бывали сны, когда я даже не была уверена, сплю я или бодрствую. Ты сама говорила, что это осознанные сны.

– Ну, спасибо, – фыркнула я, глядя на свой мобильник, как на ядовитую змею.

– А что, это было бы вполне в твоём стиле, – философски заметила Майя. – Ты бросила своего мужа, но сказать ему об этом забыла. Психологический парадокс.

– Хотя погоди, – задумчиво посмотрела в небо Фаина. – Это я однажды реальность спутала со сном, тогда, в лесу. Можете себе представить, что я почувствовала, когда открыла глаза, а вокруг лес. И трава высокая. И я посреди травы – материализовалась, как будто меня с неба сбросили.

– Так тебя и действительно с неба сбросили, с вертолета, – напомнила ей я.

– Но я-то этого не помнила! Это было очень странное чувство, когда ты думаешь, что спишь, но на самом деле тебя просто чуть не убили. Такой сюрреализм в условиях лесов Смоленщины. Впрочем, не важно. Значит, говоришь, бросила ты мужа? Отчего-то у меня какое-то дежавю. С чего бы это, а?

– Отвали, – хмуро буркнула я. – Могу пересказать дословно. Я сказала: «Сережа, я не люблю тебя и хочу, чтобы ты ушел». Разве можно это трактовать как-то иначе?

– Сережа все может. Сережа твой – это не просто человек, это иная форма бытия, симбиоз homo sapiens и какого-нибудь паразитирующего червя, – невозмутимо произнесла сестрица. – Чтобы избавиться от Сережи, недостаточно просто сказать ему, чтобы он ушел. Его надо выводить

как чесотку. Нужно несколько недель мазать кожу какой-то жуткой ядерной штукой. И все равно может быть рецидив.

– Откуда это ты так хорошо знаешь, как выводить чесотку? – возмутилась я. – Может быть, сейчас уже придумали какую-нибудь таблетку. Выпил – и все прошло.

– Только не в случае Сережи. Нет такого лекарства.

В этот момент телефон снова зазвонил, и оказалось, что это опять Сережа. Он только хотел сказать, что починил кран на кухне. Я захотела разбить телефон – желательно, о его голову.

– Тебе нужно поменять замок, – ответила Фая. – Тебе давно нужно было поменять замок, а то, что ты этого до сих пор не сделала, говорит только о том, что ничего еще не ясно и что Сережа может вернуться.

– Нет! – выкрикнула я, не столько протестуя, сколько испугавшись этого мощного черного магического проклятия.

Словно желая добить меня, Майя вытарщица на меня и проговорила замогильным голосом, как из фильма ужасов:

– Сережа всегда возвращается. Иначе бы он уже давно ушел.

– Инопланетный вирус в виде человека, – кивнула Фая.

– Ты всегда ненавидела Сережу, Фая, ты всегда...

– Была права? – подсказала мне она. Я стояла насупившись.

– Разве это так приятно, что ты была права? Неужели тебе

не надоело быть во всем правой?

– Почему ты не поменяла замок? – переспросила она невозмутимо и откусила от большого круглого бублика с маком.

Я раскрыла рот, но не нашла, что ответить. Несколько минут я подбирала слова.

– Я сказала ему о том, что мы должны разойтись. Я думала, что этого достаточно.

– Это когда было? Примерно месяц назад, да? Замки, сестра!

– Но ведь ему некуда было идти. Я подумала...

– Ты его ПОЖАЛЕЛА! – Тут Фая театрально развела руками. – Ты, наверное, сначала молчала, потому что не хотела делать Сереже больнее, чем уже есть.

– Я думала, что ему просто нужно некоторое время, чтобы пережить эту новость, чтобы придумать, как поступить.

– Денег ему одолжить... – хихикнула Фая.

– Ну тебя. Иди в баню, – не выдержала я.

Фая и Майка невольно переглянулись и посмотрели на меня.

– Он что, реально у тебя денег одолжил? – сощурилась сестра.

Я замолчала, кусая губу. Пауза затянулась.

– Господи, Лиза! – воскликнула сестра, уперев руки в бока, а Майка, отвернувшись, принялась яростно начищать картошку. Она давилась смехом.

– А ты... ты вообще почему ничего не делаешь-то, а? – попыталась я перевести тему.

Файка расхохоталась:

– А чего мне делать?

– Иди Майке помоги. А то всегда филонишь, только и умеешь, что по клавишам бить и засохшие бутерброды в холодильниках забывать. У тебя там не только мышь повесится.

– У нее Игорь есть, он ее прокормит, если что, – захохотала Майя.

Я не сдержалась и тоже улыбнулась. В конце концов, чего я хочу? Они обе были правы, и как бы я ни ненавидела этот факт, я была вынуждена это признать. Я всегда была идиоткой – по крайней мере, во всем, что касалось Сережи. Я в полной мере испытала на себе эффект «розовых очков», год за годом гоняясь за мужчиной, как Скарлетт О’Хара за чертовым Эшли, а на кой ляд он ей такой – она не знала. И я не знала. Теперь, после стольких лет и с двумя детьми на руках, я могу уже признаться хотя бы самой себе – я понятия не имею, зачем и почему я так вцепилась в свое время в Сергея Тушакова. Я только помню, что чувствовала себя тогда, будто меня затягивало в черную дыру и не хватало воздуха дышать, а рядом с ним я могла об этом не думать и вообще не думать, и это было намного лучше и легче – не думать ни о чем.

Тогда умер наш отец.

Нет, только этого мне не хватало, начать копать в самой себе. Я не стану об этом думать. И так уже хватает – мое подсознание как поле, которое все изрыто и перекопано в поисках хоть какого-то смысла. А смысл был только в том, что с кустов смородины, искрясь и поблескивая, капала вода, в том, что снег таял, а жизнь продолжалась, и Василисе было пора поменять памперс. К нам в кухню заглянул Игорь Апрель.

– Девочки, у вас все в порядке?

– У нас все просто идеально! – воскликнула я. – Мы занимаемся нашим любимым делом!

– Чистите картошку? – усмехнулся Игорь. – Только Фаине не давайте, а то она без рук останется, а мы без картошки.

– Ты просто полыхаешь верой в меня! – возмутилась Фая.

– Что ты, любовь моя, это просто здравый смысл. Магазины тут далеко, а больницы еще дальше.

– Не волнуйся, Игорь, Фая твоя ничего путного не делает. Мы чихвостим меня, разбираем на части – меня, мою жизнь и мои решения. Присоединяйся, если хочешь. Что ты думаешь о моем муже?

– Ага, ага, – побледнел Игорь. – Ничего я не думаю. Ну, не буду вам мешать. – И поспешно убрался восвояси.

Мудро. Да, Файкин гражданский муж был человеком мудрым, профессиональным и к тому же штатным психологом в большой корпорации. Он вел семинары, тренинги для

успешных бизнесменов и менеджеров высшего звена, имел право прописывать сильнодействующие препараты и отлично знал, когда нужно было сбежать от греха подальше. Я же могла бы сделать целый семинар для своих клиентов. *«Как привести свою жизнь в полный раздрай, а затем продолжать жить как ни в чем не бывало»*. Такой вот психологический трюк от профессионального психолога. Это ведь только считается, что человек разумный. Человек – существо непредсказуемое и нелогичное, действующее бог весть из каких соображений и зачастую себе во вред. И я – тому лучшее доказательство.

– Он – отец моих детей. Я не могу просто так взять и выкинуть его на улицу, – выпалила я Игорю вдогонку.

– Что и требовалось доказать! – Фаина хлопнула в ладоши. – Сережа еще всех нас тут переживет.

– Смейтесь, смейтесь, – передразнила ее я. – И вообще, вот вы тут смеетесь, а Сережа сейчас сядет на электричку и придет к нам. Будете знать.

– Ну и ладно, лишь бы у него было триста рублей. Чем больше игроков, тем лучше, – заметила Майка, бросая в кастрюлю последнюю картофелину.

– Эй, ты говоришь о Сереже, – хмыкнула моя сестра. – У него никогда нет трехсот рублей. Если бы он приехал к моей сестре с деньгами, это вызвало бы в нашем мире настоящий квантовый парадокс. – И сестра показала мне язык и состроила рожу.

Мы собрались тут, на маминой даче, чтобы поиграть в техасский холдем покер, и деньги в техасском холдем покере были совершенно необходимы. Без денег игра теряла элемент азарта, заставлявший людей напрягать извилины самым серьезным образом. Просто удивительно, на что люди способны, если поманить их пусть даже самой скромной по размеру морковкой. К примеру, мы играли в покер всего на триста рублей. Самое главное – чтоб людей было побольше. С каждого игрока базовая ставка по триста рублей за стандартный набор фишек. Деньги небольшие, потерять не страшно. Но с десяти человек уже собирался банк в три тысячи рублей, а это, как ни крути, уже что-то и каждому приятно выиграть. Победитель в холдеме останется один – с приятной суммой и с кучей позитивных эмоций. Отсюда мотивация. Отсюда интерес. Все остальные играют ради удовольствия приятно провести время и пообщаться с людьми – тоже неплохой расклад за триста-то рублей. Даже билет в кино сегодня стоит больше.

Мы с Файкой умели и играли в покер с детства. Это прозвучит странно, но научил нас и пристрастил к этой игре отец – ученый-физик Павел Владимирович Ромашин. Он любил покер за то, как легко ему удавалось втравить нас, его дочерей, в расчеты вероятностей. Покер – настоящая рекламная брошюра для теории вероятностей. И с самого дет-

ства мы играли в него на деньги, что было не слишком уж педагогичным и раздражало маму. Но таков уж был наш отец, как и все гении, он на все имел свое мнение. Уже к пятому классу мы с Файкой знали назубок победные комбинации по порядку, но Файка считала вероятности и видела всякие фулл-хаусы куда лучше меня. Технический разум, вся в отца.

Чемоданчик с картами, фишками, зеленым плотным сукном для стола и прочим реквизитом картежников и прожигателей жизни у нас на даче лежал еще отцовский. К вечеру толпа народу еле втискивалась в нашу избушку. Уютно гудела печка, за стеклянной дверцей плескались огненные волны, тихонько бормотал что-то старый телевизор у стены – его включила Майка, сказав, что в условиях отсутствия городского шума она теряет покой и у нее начинает болеть голова. И что ей нужен этот «ящик Пандоры» – слишком много свежего воздуха. Дети играли лишними, ненужными покерными фишками, строили из них на полу всякие домики и фигуры – из фишек выходил неплохой конструктор. Под ногами крутился кот Ланнистер. С кухни через открытую дверь в гостиную влетали запахи тушеного мяса и печенья. Как говорится, было душевно и мирно. И ничего не предвещало беды.

Глава 2. На реке² я наконец увидела труп врага

Я вовсе не ожидала победить, в тегаский покер вообще играют не для того, чтобы победить. Скорее чтобы пощекотать нервы каждый раз, когда ситуация за столом становится острой и непредсказуемой. Но выиграть? В конце концов, за столом имелись куда более опытные игроки, взять хотя бы ту же Файку. Профессиональный программист, выпускница физтеха, папина радость, моя сестра не только видела свои комбинации, но и хорошо просчитывала, что может быть у кого на руках. Ее слабым местом была полная неспособность читать человеческие эмоции, иными словами, она не видела блеф. Ее Игорь, напротив, «читал лица» хорошо, но не видел комбинаций в картах, избавлялся от сочетаний, которые потом становились выигрышными. Катюша играла на удивление ровно, не рискуя без повода, но удача ее подводила, и количество фишек у нее уменьшалось, чего нельзя сказать про Молчанова – тот бросался в любую схватку, провоцировал людей, вел себя исключительно агрессивно и разорился, пойдя ва-банк с двумя парами на руках.

Ничего, Катюша, тебе явно повезло в любви.

---

² Река, «ривер», последняя раздача в холдеме покере (примеч. авт.).

Итак, к какому-то моменту расклад оказался таким: мы играли уже четвертый час, ставки выросли по сравнению с началом игры втрое, и счетчик тикал. За столом из девяти игроков осталось только четверо. Фаина – кто бы сомневался – сидела за столом с хорошим банком. Игорь, ее флегматичный муж, проигрался, хоть ему даже дали один раз «докупиться» – вложить еще одну ставку и получить новый стартовый набор фишек. Не помогло, и он потерял аж шестьсот рублей, Игорь спокойно и с достоинством раздавал нам карты, «работая» как бы постоянным дилером. В этом качестве он был идеален – с его серьезным лицом Малдера на задании. Оказалось, он умеет мастерски перемешивать карты – так, что это походило на прелюдию к красивому карточному фокусу.

Майя, как ни странно, все еще была в игре, удержавшись против яростных атак Юрки Молчанова и мелких заварушек от наших дачных соседей. Больше того, она не просто удержалась. Майя играла, наверное, второй или третий раз в жизни и вполне подтверждала правило про то, что новичкам везет. Несмотря на то что перед нею постоянно включенным лежал телефон с фотографией покерных комбинаций – без этой картинки она бы не отличила фулл-хаус от сета – Майя завладела самым большим банком. Перед ней аккуратными столбиками стояли фишки самого разного номинала. Щеки ее покраснелись, она улыбалась и постоянно поглядывала то

на нас, то в телефон, то в свои карты. Семен Евгеньевич еще держался, но из последних сил, и сил этих у него оставалось буквально на пару блайндов – слепых обязательных ставок, с помощью которых игра двигается вперед. Чтобы было понятнее, покер играется в три раздачи – флоп, терн и ривер. Первая, флоп, – когда на стол выкладываются три карты. В сочетании с двумя картами на руках эти карты уже могут составить одну из выигршных комбинаций в покере, если же нет, игрокам нужно решить, будут ли они играть дальше этот круг или выйдут, «спасуют», сбросив карты. В случае если все бы спасовали, игра бы встала на месте. Именно для того, чтобы поддерживать движение, и существуют блайнды, обязательные ставки, которые делают вслепую. Таким образом, даже в случае, если спасуют все, кроме победителя текущего круга, победитель не уйдет с пустыми руками.

Ах да, и по ходу игры ставки растут. Первые два часа игроки разминаются, и ставки блайндов остаются одинаковыми, но потом блайнды поднимают. Сейчас они росли по часам, каждые двадцать минут. С какого-то определенного момента ставки выросли так сильно, что любой проигранный блайнд приносил уже очень ощутимый ущерб. С этого-то момента обычно никто больше сильно не рискует, но мне, чтобы переломить ход игры, было необходимо что-то сделать. Все, чего я ждала, – это подходящего момента. Я бы, конечно, предпочла игру против Майки – хоть новичкам и везет,

а все же играть против Фаины было куда сложнее. Но звезды сложились так, что пришлось идти против родной сестры.

В моем случае сыграть по-крупному было совершенно необходимо, так как хоть я и имела в запасе приличное количество фишек, их было недостаточно для выживания. По большей части мои фишки были отыграны еще в самом начале на одном хорошем раскладе – мне пришел тогда сет, три карты одного достоинства. Хорошо еще было то, что за всю игру я ни разу не блефовала, по крайней мере, так, чтобы быть пойманной за руку. А это значило, что если я вдруг резко подниму ставки, люди за столом, плюс-минус, поверят, что у меня на руках реальная мощная комбинация. Но это – только в теории. На практике – блеф всегда означает риск. В покере тоже есть, знаете ли, естественный отбор.

И вот случилось, Малдер выложил нам флоп: девятка, дама и туз. Такой флоп означает одно: тот, у кого туз на руках, имеет почти стопроцентные шансы на победу. Если, конечно, у кого-то на руках вообще окажется туз.

– Ничего себе! – хмыкнул Юрка Молчанов, хоть и вылетевший одним из первых, он продолжал наблюдать за игрой. Его склонность к неоправданному риску выкинула его из-за стола. Но следует признать, Юрка не был бы таким великолепным журналистом и таким невыносимым человеком без

этого оголтелого куража.

– Кому-то повезет, – кивнула Катюша, откусывая яблоко. Наверняка то же, что кусала и Ева. Искусительница Катюша с полярOIDом на шее.

– Ну что? – спросил Игорь у Семена Евгеньевича.

Тот с мукой неземной вертелся на стуле. В этом раунде он ничего не терял, блайндов не ставил, но если сейчас войти в игру, можно проиграть все за этот круг. А тузов с дамами, видимо, не пришло, вот и решил пересидеть еще один раунд со своей парой фишек.

– Пас! – недовольно покачал головой он и бросил свои карты Игорю. Такая манера игры – это как сидеть на шаткой доске на краю пропасти и болтать ногами. Падение Семена Евгеньевича было только вопросом времени, но в покере всегда остается надежда на следующий раунд. Что-то там принесет нам река.

– Майка?

– Пас, – покачала головой Майка. Бог его знает почему, так как ее половинный блайнд как раз стоял, да и деньги (то есть фишки) у нее были.

Мой блайнд тоже был в игре, и я решила. Сыграем по-семейному. Когда еще представится момент сыграть один на один с сестрой, да еще на большие деньги – если она, конечно, согласится играть. Если нет – я заберу блайнды, стартовые ставки. Фая сосредоточенно смотрела в свои карты. Что у нее там? Если дама или туз – мне каюк, никакой блеф не

заставит ее спасовать. Она будет играть до конца.

– Я поддержу, – проговорила Фая, бросая на стол ставку.

Значит, по-легкому не выйдет. Что же у нее там? Адреналин ударил в кровь, и я постаралась сдержать дыхание. Риск – не моя фишка, и каждый раз, когда я вступала в игру, организм реагировал так, словно я перебежала через полную летящих на меня автомобилей МКАД.

– Ты выйдешь? – спросил Малдер.

Я потянула паузы, затем покачала головой:

– Я еще подергаюсь, пожалуй. Все равно блайнд уже стоит.

– Ну, давай, – кивнула мне сестра, и мы остались вдвоем. – Только давай поднимем на двести, а то играть на блайнды – это как-то несерьезно.

– Даже так? – Я сделала вид, что задумалась. На самом деле думать мне было пока не о чем. У меня на руках ничего не было. У Фаи явно было что-то хорошее. Вполне возможно, что и туз. Я прикрыла пальцами свои карты – тройка и шестерка, полная чушь, но Фае об этом было необязательно знать. Я подтолкнула фишки и поставила двести, не рублей, конечно, а условных покерных единиц. Потом подумала и добавила еще двести.

– Поднимаешь? – удивилась Фая.

Я пожала плечами, оставив ее в задумчивости. Я знала, сейчас Файка попытается просчитать, что же у меня там. А что у меня «там» может быть. На столе девятка, дама и туз. Ничего такого, что было бы ясно на сто процентов. Могут

быть у меня две девятки, чтобы снова получился сет? Вероятность такого повторения невелика, Фая наверняка ее отбросит как ничтожную. Тогда она решит, что у меня на руках какая-нибудь хорошая пара. Может быть, даже с дамой. Если так, и если Фая осталась в игре, у нее может быть только туз. Вот черт. Фая бросила фишки. Сравняла. Все плохо, у нее точно туз.

– Ставка закрыта, – со всей серьезностью казиношного дилера сказал Игорь и выложил нам на стол восьмерку.

Нет. Ничего особенного тут не симитируешь. Остается только держаться за идею, что у меня пара на дамах. Я посмотрела на Фаину, улыбнулась и спросила:

– Ну что?

Та помедлила.

– Чек, – наконец сказала она.

Это был хороший знак. Чек – это значит, игрок не хочет рисковать и вкладывать дополнительные деньги в текущий круг. Чек – он всегда говорит о сомнениях. Возможно, у нее все-таки нет туза, потому что, если бы он был, она бы уже сейчас попыталась меня разорить. Впрочем, она может бояться, что я соскочу. Адреналин жег меня, как будто я сидела напротив открытого огня, лицо горело. Тише, тише, Лиза, в конце концов, это просто игра. Что ты теряешь? Триста рублей? Да наплевать.

– Нет уж, так просто я тебя не отпущу, – сказала я, напомнив себе еще раз, что ничего, кроме трехсот рублей, если

что, не потеряю. Ну, и немножечко проиграю в репутации – если что. Но ведь еще не вечер.

– И на сколько же ты хочешь разориться? – спросила она.

Юрка Молчанов отошел от печки и подошел поближе к нам. Он чувствовал риск, он от него балдел. Его глаза горели, игра подходила к стадии, где каждое решение может оказаться смертельным. Я прижала свои карты к столу пальцами. Сейчас нельзя никому их видеть, мои жалкие тройку и шестерку. Любая реакция может выдать меня. Даже если Фаина не умеет читать лица. Даже если так.

– Давай попробуем по пятьсот, – пробормотала я тихо.

– Не кисло, – хмыкнул Юрка.

Майя встала из-за стола и направилась за водой. Ей, спасовавшей, этот раунд был не очень интересен. Я пожала плечами и посмотрела на Фаину. Та с неохотой подтянула к столу красную пятисоточную фишку, а затем, вот черт, еще одну такую же. Банк рос как на дрожжах. Кто его заберет? Я ткнулась и выложила свою «красненькую».

– Ставка закрыта, – невозмутимо объявил Малдер, и я задержала дыхание. Он выложил валета.

Валет. Что это мне дает? Возможно, ничего. На столе восьмерка, девятка, дама, валет и туз. У меня на руках какая-то хрень. Нет даже пары. Но пока что никто не знает, насколько я в глубокой яме. Я вдохнула и громко засмеялась. Нотки истерики прорвались против воли, но они мне не мешали. Не мешали моему плану. Я решила симитировать

стрит. Для этого нужно было сделать вид, что именно река, именно последняя раздача, именно валет оказался решающей в моей комбинации. Фая должна была сейчас со всем своим математическим складом ума просчитать, что на руках я должна бы иметь десятку. Нет, десятку и короля. Это было бы логично. Если бы у меня с самого начала был король, это бы объяснило, почему я не вышла с первого круга – я ждала пару к королю. Это дало бы ей ключ к моему поведению. И к тому, что я бурно и откровенно смеюсь сейчас. У меня как бы есть два возможных расклада – два потенциальных стрита. С десяткой – от восьми до дамы. Но с королем и десяткой, старший стрит, – от десятки до туза. Такое не перебить.

– Ва-банк, – я услышала свой голос со стороны.

– Ну все, пошли стреляться да вешаться, – хмыкнул Малдер.

Даже его продрало, надо же. Ва-банк на такой стадии – это странно. Это неожиданно даже для меня. Особенно для меня, после всех тех часов, что я просидела, пасуя или рискуя, что называется, по-маленькому.

– Сдурела? Блефуешь? – посмотрела на меня Фая.

Я молчала, думая, что ответить.

– Конечно, – кивнула я. – Конечно, блефую. Вскрой меня, пожалуйста. Не так уж и дорого.

У нас с сестрой был почти одинаковый банк. Ответить на мою ставку означало потерять все, что есть, и потерять за один раунд. Спасовать сейчас, когда река уже выложена на столе, означало потерять очень и очень много. Но не все. В этом-то и был ключ к тому, что произошло дальше. Фаина поверила. Она поверила в мой старший стрит. Фая посмотрела на карты на столе. Валет. Последним пришел валет. И я пошла ва-банк. Что еще это могло быть?

– У тебя стрит? – спросила она.

Я еле сдержалась, чтобы не подскочить. Значит, я все просчитала правильно! Я просчитала ход мыслей моей сестры. Восхитительно! Она действительно думает об этом.

– Вскрой меня, – предложила ей я.

Майя со стаканом воды подошла к нам и стала смотреть с интересом.

– И вскрою. Сколько там?

– Я не считала. Тысяч десять, наверное, – пожала плечами я.

Юрка присвистнул. Я поставила на круг почти четверть всего нашего банка в три тысячи рублей.

– Самая умная, значит, – проворчала Фаина, но ее рука даже не потянулась к фишкам.

Ва-банк – это было слишком. Наверняка у Фаины туз. Иначе она бы давно спасовала. Может быть, у нее даже два туза. И она думает, прикидывает, могут ли у меня на руках

оказаться десятка и король, потому что мой стрит все равно победит, даже если у нее три туза.

Каковы шансы, что у меня десятка и король? Какова вероятность того, что все это сложилось в сияющий лучезарный стрит только в последнюю раздачу, на ривере, когда ее же собственный муж выложил валета. Ее гражданский муж, для уточнения.

– Давай, поставь на своего туза, – улыбнулась я самой коварной и холодной улыбкой, на которую только была способна.

Фая посмотрела мне прямо в глаза, а потом... барабанная дробь... Фая молчала все отведенное ей время, все тридцать секунд.

– Пас, – наконец выдохнула она и отбросила карты.

– Ну, показывай, – потребовал Юрка Молчанов.

Я рассмеялась, для меня вечер уже удался. Я перевернула карты. Фая несколько секунд смотрела на мои тройку и шестерку, а потом оглянулась, нашла кухонное полотенце и со всех сил кинула им в меня.

– Мазила! – рассмеялась я, легко увернувшись от ее броска.

– Врать грешно, тебя в детстве не учили, что ли?! Тебе в аду гореть. Шестерка с тройкой? Да как у тебя язык повернулся? – воскликнула она.

А Юрка Молчанов принялся аплодировать. К нему присоединились Катюша, Кира с Томой и даже Малдер. Фая посмотрела на него взглядом «и ты, Брут?». Когда мы все отсмеялись, Фая вернулась в игру вчетверо беднее, чем она была до этого раунда. Следующий круг вынес на берег Семена Евгеньевича. Вышибить из игры Фаину заняло еще десять минут. Деморализованная моим аморальным блефом, Фая больше не знала, чему верить и как просчитывать. Столкнуться ее в пропасть было теперь делом несложным.

– Я тебя обыграла! – Я показала ей язык. Она меня передразнила.

– Потому что совести у тебя нет, – укоризненно посмотрела она, но я только хихикнула и потеряла руки.

– Это не ложь, это лишний коэффициент неизвестности в твоём уравнении, дрова в твою печку вероятностей.

– Коэффициент завирания, – фыркнула она, вставая из-за стола.

Надо признаться, у меня были все основания для экстаза. Я обыграла Фаю впервые за очень долгое время. Переиграть Фаину было очень и очень непросто. Сбылась мечта идиотки.

– Ну что, продолжим? – спросил вдруг Малдер, перемишывая карты.

Я огляделась, вспоминая, кого еще я забыла обыграть. И только тут я вдруг поняла, что игра-то еще не закончена и что за столом с самым невинным видом сидит и терпеливо

ждет меня Майя. И поглядывает на картинку с покерными раскладами. Начинался финальный раунд.

Когда игрок проигрывает в покер, он выходит из-за стола с необъяснимым и нелогичным ощущением несправедливости и желанием продолжать. Именно эта жажда, близкая к наркотической, делает игру вероятностей столь опасной для неокрепших умов. Люди могут проиграть состояние и все равно пытаться вернуться в игру. Кто угодно, но только не Фая. Для нее ничего не выходит за пределы математики. После проигрыша Фая категорически потеряла интерес к происходящему на зеленом сукне, принялась есть, смотреть телевизор, болтать с Кирой, мешая нам, а потом, когда Майка попросила ее быть потише, она и вовсе ушла укачивать проснувшуюся Василису. Семен Евгеньевич тоже отправился домой – спать или рыдать, уж не знаю. Наша компания поредела. Игорь Апрель продолжал раздавать карты, хотя и было видно, что он тоже устал. Даже Катюша устала и ушла наверх спать, хотя ее драгоценный Юрка Молчанов – стойкий оловянный солдатик – остался следить за нашей игрой с интересом. Мы все думали, что финал близок. Мы думали, что все будет быстро. Я и Майя Ветрова, мы сидели напротив друг друга, пытаюсь предугадать, что же будет дальше. Но того, что произошло, не смог бы просчитать никто.

– Ставки сделаны, ставки закрыты, – в который уже раз

произнес Игорь, выкладывая на стол флоп.

Мы гоняли фишки друг между другом, я и Майка Ветрова, словно заигрывая друг с другом перед тем, как нанести сокрушительный удар.

– А Майка-то ваша хороша! – воскликнул в какой-то момент Юра Молчанов, когда я проиграла приличный банк, доверившись собственной паре девяток.

Майка набрала две пары. Я с удивлением отметила, что она не рискует понапрасну, но вполне способна блефовать и что обыграть ее даже с моим опытом никак не получается. Часом позже мы все еще сидели за столом, и почти весь банк перекочевал в Майкины нежные, ухоженные ручки.

– А я-то думала, ты преподаватель английского. А ты, оказывается, покерный жулик, – злилась я. С этим невозможно ничего поделать, проигрывать не любит никто, а я уже несколько раз оказывалась на краю бездны.

Майка по-доброму расхохоталась.

– Покерный жулик, который комбинаций-то не помнит. – И она потянулась и повернула голову к телевизору, там довольно громко играла заставка к новостям.

– Мешает? – спросил Игорь. – Это Файка оставила.

– Нет-нет, нормально.

– У Майи фобия, она боится загородной тишины, – добавила я. – Ладно, продолжим? Добивай уже, подруга дней моих суровых. Хватит мучиться тут. Знаешь, что, я пойду ва-банк.

– Так я еще не раздал даже карты? – удивился Игорь.

Но я пожала плечами:

– Чего тянуть-то? Не выстоять мне, разве сам не видишь?

– Да уж, сдалась ты, мать, – разочарованно пробормотал

Юрка Молчанов.

Майя спокойно пододвинула фишки, приняла мою ставку. Для Майки ставка была сравнительно небольшой, и она почти ничем не рисковала, больше смотрела в «ящик», чем на стол. Устала/заскучала? Игорь раздал нам карты, дал несколько секунд осознать возможные комбинации, затем выложил флоп. Подумав с секунду, он выложил и остальные карты, в конце концов, все ставки были уже не столе. Вопрос шел о чистой случайности, идеальные условия для применения теории вероятностей в действии. Шанс – один к одному, и я выиграла эту ставку. Я не хотела этого, если честно, я хотела закончить игру. Майка же даже не смотрела на стол. Вообще не смотрела. Настольно, что это было странно – все-таки она была так близка к победе.

– Значит, продолжаем? – вздохнул с огорчением Малдер и снова набросал карты.

– Да наплевать, – снова кивнула я и поставила все, что пришло ко мне в прошлом раунде.

Майя сидела, прямая, как палка, и смотрела новости с каким-то странным, отсутствующим выражением на красивом, подвижном лице. Серые глаза потухли, словно кто-то задул огонь.

– Ветрова, делать ставку будешь? Алло?! – спросила я.

– Что? – Она вздрогнула и обернулась ко мне, буквально секунду посмотрев мне в глаза, и я сразу поняла, что права.

Что-то не так, что-то изменилось. У Майи в глазах мелькнуло нечто неправильное, словно я застала ее врасплох за чем-то неприличным, будто вошла в неприбранную комнату. Она посмотрела так, словно никак не ожидала меня увидеть. И тут же отвернулась. Впрочем, кивнув, она подтолкнула нужное количество фишек. Игорь стал раздавать карты, и снова я выиграла в открытой раздаче. Слепая удача, не больше. На этот раз мы с Майей снова оказались в почти равных условиях, но ее это словно больше не волновало. Новости кончились, и пошла какая-то реклама, но Майя продолжала таращиться на телевизионный экран.

– Ну что, ва-банк? – спросил Юрка.

– Майя, ты в порядке? – Я встала и подошла к подруге.

Она не отвечала. Я провела рукой перед ее лицом, и она вздрогнула и дернулась так, словно я сделала ей физически больно, будто ударила ее.

– ЧТО? Что? – Она озиралась, как зверь в ловушке.

– Хочешь, остановим эту дурацкую игру? – предложила я. – Ты выиграла. Ты плохо себя чувствуешь?

– Э, какого лешего? – возмутился Молчанов. – Лизавета, да у тебя все шансы.

– Да наплевать мне на шансы. Майя, скажи хоть что-то?

– Я... я... неважно... ничего... – растерянно пробормо-

тала она.

Юра недовольно покачал головой. И тогда Майя пододвинула все, что у нее было, вперед, на зеленое сукно.

– Ва-банк? – спросил Игорь. – Seriously? Слепую?

Через тридцать секунд я стала законным победителем нашего покерного турнира. А еще через двадцать секунд Майя Ветрова упала на пол, потеряв сознание.

Глава 3. Горький вкус победы

Никто так и не понял, что случилось, все только кричали и размахивали руками, предлагая разнообразные рецепты спасения – от подорожника до нашатыря, а кто-то даже требовал вызвать МЧС, хотя имел в виду, конечно, «Скорую помощь». В нашей глуши, да в такое время «Скорую» вызывать можно с тем же эффектом, как и духов из потустороннего мира с помощью спиритического сеанса. С той разницей, что духи еще могут прилететь, а врачи – только не в выходные, не на майские, не в такую погоду. У них сейчас все Подмосковьё ходуном ходит, сплошные отравления да инфаркты на почве такого счастья.

Все бегали и ругались, а Ланнистер вертел рыжей мордочкой и шнырял между ногами. В какой-то момент он подошел к лежащей рядом с печкой Майе и осторожно ткнулся носом ей в плечо. Я стояла рядом со столом, на котором все еще валялись горой ненужные покерные фишки, и смотрела на рыжего кота. Если ты смотришь в бездну кошачьих глаз, бездна тоже смотрит на тебя. Ланнистер вдруг повернулся и тоже посмотрел на меня, да с такой человеческой серьезностью и осмысленностью, словно бы он все понимал, но не мог сказать. Кто-то подбежал к Майе, чьи-то ноги заслонили от меня кота. Я стояла и не шевелилась – какой-то странный

ступор, – и мысли крутились вокруг того, что случилось за несколько последних минут. Образы вспыхивали в обратном порядке, словно бы я пыталась найти момент, где все пошло не так.

Я проигрывала. Майя упала. Майя утратила интерес к игре. Я чуть не проиграла все за один раз.

Я что-то упускаю. Где кот, куда он девался?

Я помню, что Майя встала и вышла из-за стола. Потом она пила воду из треснутой чашки, рядом без умолку трещало и что-то вещало телевидение. Что-то про биткоины, потом что-то про культуру. Какая-то премия. Биткоины опять растут. Может это иметь значение?

Может быть, Майя вложилась в биткоины? Вложилась? Какая глупость, откуда у нее деньги? Не то чтобы Майка плохо зарабатывала. Английский язык нынче в моде, а Майка учит очень даже неплохо – об этом можно судить по бесконечной веренице учеников, приходящих к ней домой. Но чтобы во что-то вложиться, нужно заниматься чем-то более денежным, чем репетиторство, разве нет?

С другой стороны, чего тут такого? Почему бы Майе не потерять деньги на биткоинах?! Может, она у кого-то заняла.

Если бы я потеряла на биткоинах *чужие* деньги, я бы тоже в обморок упала.

Господи, о чем я думаю! Что делать-то?

– Черт, может, ее водой облить? – услышала я. Голос принадлежал Молчанову. – Когда я был в Египте, мне однажды там так напекло, что я отрубился, так меня ребята облили водой, и я очухался.

– Ты уж тогда расскажи, сколько ты выпил, – усмехнулась Фая, а Катюша растерянно посмотрела на Юру.

– Ты там отдыхал? – спросила она.

Фая и Юрка переглянулись в недоумении. Фая знала: такое понятие, как отдых, для Юрки Молчанова совершенно чуждое. Если он был в Египте, это могло означать только одно: в Каире была какая-нибудь очередная революция, и Юрка ее обозревал. Лез, как говорится, на рожон и в самое пекло. Ему, иносказательно выражаясь, постоянно напекало.

– Конечно, отдыхал, – улыбнулся Юра своей Катюше. – В аквапарке катался, головой ударился. О, погоди, вроде она очухивается. Майка, ты как? Ты меня слышишь? Сколько у меня пальцев?

– Серьезно? – переспросила Файка. – Ты ей «фак» показываешь?

Я напряглась, почувствовав нечто нехорошее, как пред-

чувствие, которое объяснить нельзя. Время и пространство вокруг меня вдруг расширились и замедлились, как бывает в кино, когда наступает какой-то суперважный момент. Я вдохнула, что-то было не так с воздухом. Холодный и влажный, а еще минуту назад он был горячий и густой. И это, как говорится, не фигура речи, это – нормальная подмосковная сырость. С улицы потянуло холодом.

Окно? Кто-то открыл окно? Я склонила голову и увидела кота. Ланнистер улыбался мне, как Чеширский кот. Я вытаращилась на него, но он только махнул пушистым рыжим хвостом, проскользнул сквозь множество ног и неторопливо направился к входной двери. Я медленно проследила взглядом за его грациозными движениями и вдруг заметила, что дверь в дом приоткрыта и что Игорь Апрель стоит в дверях и говорит с кем-то по телефону. Холодный воздух струился, втекал в дом.

– Кота... кота держите! – попыталась закричать я, но голос меня не послушался. – Кота! Игорь!

– Я не знаю, нужна ли нам «Скорая». У нас девушка без сознания. Да никак не долго, только сейчас. Что? – Игорь обернулся и посмотрел, но не на меня, а как будто поверх меня. – Что? Пришла в себя? Да это я не вам вообще! – гаркнул в трубку он.

– Кота! Кота не выпускай! – выпалила я, и Игорь действительно сделал шаг внутрь дома, словно услышав меня, но в

последний момент он сдвинулся влево, обошел меня и ушел к Майе. Ланнистер стоял на крыльце и смотрел на меня. Я боялась пошевелиться, чтоб его не спугнуть. Присев на корточки, я протянула руку и принялась заигрывать и зазывать кота.

– Кис-кис-кис, иди-ка сюда, я тебе что-то дам. Вкусное, ням-ням, ну же, иди сюда, рыжая скотина. – Я улыбнулась неискренней, холодной улыбкой.

– Ланнистер! – вдруг тонко прокричала Майя, в голосе ее были истерика и ужас. Я инстинктивно шагнула вперед, наклоняясь в направлении кота. Он никогда не был на улице, он был домашним котом. Он и на даче-то был впервые, непуганый рыжий ангелочек среди наших деревенских монстров. Бей городских – их девиз.

Кот спокойно стоял и словно ждал меня, пока я шла по дому, по крыльцу, а потом он вдруг передумал – возможно, вспомнив, что на улице его ждут какие-то важные дела. Ланнистер развернулся и неторопливо посеменял прочь. Я бросилась за ним, тогда он рванул в кусты и в считанные минуты полностью исчез из зоны видимости.

– Нет, нет, черт, вернись. Ты не кот, ты свинья какая-то, – бесновалась я, продираясь сквозь колючий и холодный крыжовник.

– Ты его видишь? – крикнула Майя.

Она стояла на крыльце босая, растрепанная, бледная, как

привидение, вызванное на том самом спиритическом сеансе. Она вытягивала шею, чтобы разглядеть что-то в непроглядной загородной дачной тьме. В нашей деревеньке за свет платить не любили, и уличные фонари горели тускло, были расставлены редко, с шагом чуть ли не в километр. Мы бежали по округе, кричали, охали – все с нулевым эффектом.

– Он должен быть где-то тут, неподалеку. Он же никогда не был на улице, он же заботится идти далеко, – неуверенно уверяла я Майю, она же только смотрела на меня огромными, полными ужаса серыми глазами. – Мы его найдем.

– Он может быть где угодно, это же кот, – поделился с нами своим видением Юрка, будь он неладен. Он курил на крыльце.

– Курить вредно, ты можешь помереть, – едко бросила я. Юрка пожал плечами и глубоко затянулся. Майя вдохнула, и я подумала, что она сейчас снова упадет в обморок. Никогда не думала, что подруга будет так переживать из-за кота. С другой стороны, кот – это важно. Тем более для Майи с ее-то способностью привязываться. С ее-то тонкой душевной структурой.

– Ты как, а? Ты держись там, слышишь? – сказала я, не зная, как еще поддержать подругу.

Майя сжала губы и вообще как-то вся напряглась, словно готовясь к прыжку. Ее глаза покраснели, а кулаки сжались. Бить будет? В конце концов, это я предложила взять Ланнистера с собой на дачу.

– Он не вернется, – обреченно пробормотала Майя. – Он не вернется, он ушел. Это все из-за меня.

– Что ты плетешь? – оторопела я. – Из-за тебя? Что из-за тебя?

– Он ушел из-за меня. Обиделся.

– Спятила, все-таки спятила. Говорила я тебе, нельзя столько работать. Ты ж никогда не отдыхаешь. Вот и дожили. Нервный срыв. Ну скажи: ты-то при чем? Ты хоть как себя чувствуешь?

– Я чувствую себя скотиной последней, – призналась Майя и села на крыльцо.

Из дома на нее тарачилось несколько пар глаз, во всех – один и тот же вопрос: «Что за ерунда?»

– Так, пойдем в дом, я тебе чаю сделаю, и ты мне все расскажешь. – Я взяла Майю за плечи и с усилием заставила встать. – А кота мы найдем, никуда он не денется. Коты всегда возвращаются.

– Только не ко мне, – твердо сказала она и посмотрела так, что я поняла – в этой истории есть что-то еще, что-то, о чем я не подозреваю. И я была права. Это «что-то» даже имело название или, вернее, имя. Константин. Мужчина мечты.

– Ты понимаешь, я ведь его предала! – воскликнула Майя, обхватив горячую чашку с чаем ладонями. Я прикрыла дверь на террасу. – Я еще не рассказывала об этом тебе, я не рассказывала об этом даже ему, но я уже предала его.

– Кого? Кота? – нахмурилась я, прикидывая, не слишком

ли сильно Майя ударилась о пол головой при падении.

– Да, кота. Я как раз собиралась с тобой сегодня поговорить об этом после покера. На самом деле я хотела поговорить с тобой всю последнюю неделю, но я что-то была так занята... ученики, все такое, скоро экзамены, все как с цепи сорвались, ЕГЭ. Впрочем, я опять все вру. Я вообще постоянно вру, главным образом самой себе. Я откладывала этот разговор, потому что я – трусиха.

– Майя, Майя, остановись, я не понимаю, о чем ты вообще. О чем ты хотела со мной поговорить? Это он? Это же из-за него, да?

Майя вытаращилась на меня и вдруг замолчала, потеряла дар речи. Ее глаза говорили за нее. Ее взгляд был полон презрения к самой себе, Майя молчала, а ее лицо покраснело, словно она упала в воду и теперь ждала, когда у нее кончится воздух. Тогда я сказала все за нее. Я произнесла имя. Я озвучила проблему.

– Константин? – спросила я, и Майя шумно выдохнула и кивнула. Я так и думала. Мужчина мечты. Майкиной мечты. Вот интересно, отчего мечты всегда имеют самые непредсказуемые последствия.

– Он переезжает в следующий выходной, когда вернется из командировки. Он сейчас в Швеции, – зачем-то добавила она. – И он думает, что Ланнистера давным-давно уже нет, что я давно уже его отдала. Тебе отдала, – виновато добавила она.

Ситуация начала проясняться.

Это была весьма странная история, в которой я играла не самую последнюю роль. Мы познакомились с Майкой примерно около трех лет назад, когда она вселилась в двухкомнатную квартиру на тринадцатом этаже – ровно на два пролета вниз от меня. Несколько раз мы сталкивались в холле на первом этаже около почтовых ящиков, вежливо улыбались, обменивались приветствиями. Несколько раз вместе ехали в лифте наверх, пару раз Майя помогла мне вытащить коляску с Вовкой – я таскала с собой прогулочную коляску, чтобы не таскать Вовку на руках. Он хоть и был шепутным, подвижным карапузом, уставал быстро и постоянно норовил залезть на шею – в прямом смысле слова. Пару раз Майя случайно стала свидетельницей наших с Сережей разборок около подъезда, я думаю, это и стало началом истории нашей дружбы. У нее самой хватало разборок – с мужчиной ее мечты, Константином, человеком больших душевных достоинств и хорошего финансового положения. Я не любила Константина, хоть и не знала его лично. Я не любила его заочно, за все те выкрутасы, которыми он отравлял моей подруге жизнь. Константин – он ведь значительно старше Майи, как говорится, привык к определенному ходу вещей, а к Майке относится покровительственно, снисходительно, считает, что делает ей одолжение, встречаясь с ней – простой учительницей английского языка. И еще у Константина аллергия на

котов. Аллергия вымышленная, но он настаивает на ней с упорством точащей камень воды.

– Я решила отдать кота. Совсем отдать! Можешь судить меня по всей строгости! – выдохнула Майя, и плечи ее задрожали, она расплескала чай по столу. – Я собиралась об этом с тобой поговорить, понимаешь? Я не смогла бы таскать Ланнистера туда-обратно, как мы делаем, если Константин жил бы у меня. Разве не так? Это же невозможно, утром приносить кота, вечером уносить? А если Костя вдруг вернется домой с работы раньше? А меня не будет дома? А Ланнистер будет?

– Не тараторь, – попросила я, задумчиво глядя на стоящий на плите поднос с печеньем. – Ты решила отдать мне кота – и что? Что тут такого?

– Я не знаю, что тут такого, – с неожиданной злостью сказала она. – Что я за человек такой, если выкидываю из дома кота?

– Ты же его не выкидываешь, ты его отдаешь мне.

– Нет, это зашло слишком далеко. Нужно называть вещи своими именами. Я выкинула кота, и если бы не ты, мне бы давно пришлось отдать его каким-нибудь совершенно чужим людям. А сейчас ты просто не понимаешь до конца, о чем я говорю. Я бы отдала тебе кота насовсем. Он бы стал твоим котом, понимаешь? Навсегда. У тебя двое детей, бывший муж, с которым тебе еще разводиться и который живет у тебя

в доме, а еще твой новый физик-ядерщик, с которым у тебя роман или что там у вас. Может быть, он будет против кота.

– Он не против кота, и потом – нет у меня с ним никакого романа. У меня муж дома. Кран починил в кухне. А Герман даже не позвонил мне, – мрачно добавила я. – Лучше бы я продолжала любить мужа, это было бы куда проще. И кстати, я не уверена, что Капелин – ядерщик.

– Да какая разница. Главное, у тебя самой в жизни сплошной кавардак, и в любой момент ты можешь вдруг осознать, что НАСОВСЕМ тебе кот не нужен. Потому что это не твой кот, а мой. И я от него избавляюсь. И мне это понятно, и тебе это станет понятно, но главное – даже сам кот это понял, а ты знаешь, какой Ланнистер гордый, как его всегда обижало то, что я выбираю мужчину вместо него.

– Ты хоть сама себя слышишь? – рассмеялась я. – Выбор между женщиной и котом. Ты серьезно?

Вместо ответа Майя посмотрела на меня – взгляд, как у полицейского на допросе. И не хороший, а плохой коп, злой коп. Майя вполне серьезно считала, что, выбирая между женщиной и котом, должна была выбрать кота. Я покачала головой.

– Мы найдем его и все решим, и ты зря делаешь из мухи слона.

– Из мухи кота, – поправила меня Майя с горькой улыбкой. – Ты считаешь, мы найдем его?

– Я согласна, что Ланнистер – умный кот, но не настолько, чтобы обидеться, оскорбиться, развернуться и уйти. Он вернется.

– Нет. Уйти – это как раз вполне в стиле моего кота, – рассмеялась Майя сквозь слезы. Я посмотрела на нее и тоже рассмеялась. – Он меня бросил.

– Мы его найдем.

– Да, – кивнула Майка неуверенно.

– Мы найдем моего кота, – добавила я с выражением. – Даже не так. То, что он будет все время у меня, вовсе не значит, что он станет только моим. Он уже давно наш общий кот, разве нет?

– Наш общий кот, – фыркнула Майка. – Не утешай меня, все равно не поможет.

– Ну и не буду.

– Вот и не надо.

– И не буду. Только ты больше в обмороки не падай.

– Хорошо, – сказала Майка. – То есть постараюсь. Время от времени меня так и тянет в обморок, знаешь ли. У тебя такого не бывает?

– Иногда мне очень бы хотелось взять и упасть к чертовой матери в обморок. Но у меня мозг либо очень крепкий, либо очень пустой. Не отключается.

– Это потому что ты мать, – предположила Майя. Некоторое время мы просидели молча.

– Мы странные люди, да? – скорее сказала, чем спросила

я после долгой паузы. – И ты, и я, и моя сестра, и вообще все мы – какие-то ненормальные.

– Совершенно ненормальные, – согласилась Майя, и мы снова помолчали.

– Кроме, наверное, Файкиного Апреля, – предположила я. Майка задумалась, а затем кивнула.

– Да, пожалуй. Игорь Файкин – он-то нормальный. Он совершенно ненормально нормальный. Он такой нормальный, что я в его присутствии как-то теряюсь.

– В его присутствии многие теряются. Даже мама в его присутствии постоянно все какие-то пылинки смахивала с одежды. Потому что он всегда как с какой-то рекламной картинки. Даже если он в трусах, то выглядит, как модель на подиуме. Вообще непонятно, как рождаются такие мужики. Я больше таких никогда не видела вживую. Красивый и нормальный. Это ведь сочетание, которое может пошатнуть вселенскую гармонию.

– Ты видела Игоря в трусах? – хищно улыбнулась Майка. – Рассказывай-ка, да в подробностях. Как так?

– Я тебе рассказывала же, как я приехала к ним ночью. С Германом. Когда я узнала про Анну.

– Ах ты про тот раз, – разочарованно протянула Майка.

И мы обе, не сговариваясь, замолчали. Анна – это была первая любовь Игоря Апреля, отдельная история, слишком грустная, чтобы рассказывать в ночь, когда мы остались без нашего общего кота.

– Я не представляю, как моя Файка с ним живет. – Я вернула разговор в привычное русло. – Она-то никакого отношения не имеет ни к чему нормальному. Как она с ума не сойдет от такого нормального мужика? Вот я – да, ненормальная.

– Это почему?

– Суди сама, я бросила мужа, который изначально и жениться-то на мне не хотел. Бросила после того, как родила ему двоих детей. Бросила, но он не ушел. Краны мне теперь чинит. Получается, с тех пор как я его бросила, наши отношения улучшились? Что в этом нормального?

– А я встречаюсь с мужчиной, который имитирует аллергию на кота. Я вот не знаю, он вообще меня любит?

– Кто? Кот? – переспросила я.

Майка посмотрела на меня как на сумасшедшую. Я пожалала плечами. В кухню зашла Фаина. Мы повернулись к ней, затем переглянулись и, не сговариваясь, расхохотались. Сказались нервы, стресс. Файка обиженно хмурилась и требовала объяснений.

– Вы вообще в порядке? Заперлись тут, секретничают, над ни в чем не повинными людьми смеются. Это, между прочим, неприлично, вы не знали?

– Файка, как ты терпишь своего Игоря? – спросила я.

Фаина склонила голову в задумчивости:

– Бредите?

– Нет! Как ты терпишь то, что он такой красивый и нор-

мальный?

Файка задумалась.

– Вопрос в том, как он меня терпит. Вчера ночью я его разбудила, потому что я работала допоздна, а потом, пока шла из кухни к компьютеру с чашкой, тарелкой с бутербродом и с планшетом, – я споткнулась о собственную же кучу тряпья, упала и все разбила. И все это – в третьем часу ночи. После того, как я пообещала Игорю, что вообще не буду работать ночью. А буду спать.

– И что он? – спросила Майка с интересом.

– А он проснулся и минут пять в темноте тихо любовался, как я матерюсь, и чертыхаюсь, и пытаюсь тихо убрать всю эту катастрофу. А потом, когда я его раскрыла, принялся так ржать, словно комедию посмотрел. И сказал, что в следующий раз заснимет этот «кордебалет» на видео, чтобы показывать нашим детям. Когда они спросят у него, в кого они такие.

– Вообще не ругался? – спросила я. – Даже голос не повысил?

– Спросил, не нужна ли мне его помощь.

– Чудовищно! – переглянулись мы с Майкой.

– Согласна. Вот я бы лично наверняка наорала. Или хотя бы начала переживать. А он встал, принес тряпку. Потянулся и спросил, как я поработала. Хорошо ли, мол. Продуктивно ли. Мне кажется, что он вообще живет на каких-нибудь успокоительных таблетках, – развела руками Фая. – Потому

что нельзя, как в той песне поется, потому что нельзя быть спокойным таким.

– Там вообще про красоту, – напомнила Майя. – Что в твоём случае абсолютно соответствует действительности. Красивый и спокойный. Может быть, он маньяк-убийца? Ты никогда не просыпалась, а его нет?

– К слову про таблетки, – добавила я. – Твой Малдер – он ведь практикующий врач, психотерапевт. Мог и прописать себе какое-нибудь эффективное успокоительное, чтобы как-то устоять под шквальным ветром жизненных обстоятельств. Особенно после того, как он связался с тобой.

– Девочки, у вас все хорошо? – спросил заглянувший в кухню Игорь (Малдер) Апрель.

Его невозмутимое, спокойное лицо так вовремя и кстати появилось тут, в дверном проеме, что мы все втроем, не сговариваясь, расхохотались. Игорь сначала просто растерянно смотрел на то, как мы смеемся, затем зашел, встал к стене, сложил руки на груди и принялся нас рассматривать, как подопытных кроликов – только лупы и не хватало. От этого мы смеялись только сильнее. И чем спокойнее он смотрел, тем веселее нам становилось. Наконец, чуть успокоившись, я выдохнула и не сразу, со второй или третьей попытки спросила у Игоря:

– Хочешь чаю?

– Собственно, не только я хочу чаю, – ответил он. – У нас там, по ту сторону стены, приличное количество людей, и все

хотят чаю и печений и узнать, все ли с вами в порядке. Волнуются. К слову, возможно, что волнуются они не на пустом месте, ибо поведение ваше нормальным никак не назовешь.

– Нормальным, – еле выдохнула я, и мы снова принялись хохотать.

И в тот вечер я так и забыла спросить Майку, почему, собственно, она вдруг упала в обморок. В тот вечер мы все забыли про все на свете.

Глава 4. Не биткоины

Ланнистер не вернулся ни в тот вечер, ни на следующий день, ни через три дня, когда всем нам нужно было уезжать, и, конечно, все выходные были испорчены. Никогда еще в своей жизни я не тратила столько сил и времени на поиски животного, мы буквально перевернули наше дачное товарищество с ног на голову и так и оставили – на голове. Мы опросили соседей, присматривались с подозрением к чужим котам, допрашивали с пристрастием хозяев больших собак, мы нашли у соседей принтер и обклеили объявлениями с десяток деревень вокруг. Фотографию Ланнистера мы тоже вставили – Катюша, оказывается, шелкнула нашего кота на поляроид. Она, выходит, не только свои пальцы снимала.

Ничего не помогло. Майя к середине третьего дня дошла до такой степени самоистязания, что мне уже было больно на нее смотреть. Она была убеждена, что Ланнистер погиб. Я говорила ей, что коты живучие, и предлагала вспомнить героев «Игр престолов». Такие не погибают, взять хотя бы Тириона. Мои аргументы на подругу действовали плохо.

К концу майских я уже проклинала кота и поклялась себе, что, когда он найдется – если эта тварь рыжая найдется живой, – я сама его убью. Странная, конечно, логика, но что

поделаешь.

Майка уехала с дачи раньше нас и одна. Мы умоляли ее остаться, но она только мотала светлыми волосами и смотрела на меня полными страдания серыми глазами. В конце концов мы плюнули на все и отвезли ее на станцию, но я долго не могла выкинуть из головы ее сторбленную фигурку на платформе. Собственно, именно поэтому я и избегала любых контактов с Майей Ветровой всю следующую неделю – чтобы не смотреть ей в эти ее бездонные серые глаза. Чертов кот. Но сколько веревочке ни виться, в субботу Майка пришла ко мне сама. Без предупреждения, потому что, если бы она предупредила, я бы нашла повод и сбежала бы из дома. Наверное, Майя понимала это, во всяком случае, она пришла ко мне неожиданно. А так как звонка я не слышала, дверь ей открыл Сережа, я в это время развешивала в ванной белье. В кухне работал телевизор – буквально орал, перекрикивая жужжащий кухонный комбайн. Сережа готовил.

– К тебе пришли, дорогая! – крикнул он из коридора. Я высунула нос из ванной, продолжая держать в руках выкрученные центрифугой простыни. И тут же уперлась взглядом в удивленное Майкино лицо. Попалась, которая кусалась. Я проследила за ее взглядом, она смотрела на Сережу, как тот уходил обратно на кухню, к котлетам. Затем Майя посмотрела на меня с укоризной, а я прикусила губу.

– Хочешь как-то пояснить? – спросила Майя.

Я поводила губами, как пчелка жалом.

– Что пояснить? – спросила я, с самым невинным видом. –

Что тебе интересно?

– Что твой муж тут делает? Вы помирились?

– Ни в коем случае! – испуганно воскликнула я.

– Значит, есть какое-то другое объяснение тому, что он у тебя тут ходит в трениках и майке и руки его в фарше.

– Руки у него в фарше из-за котлет. Сережа готовит.

– Ты не делаешь вещи легче, давая такое объяснение.

Только еще больше все усложняешь и порождаешь новые вопросы.

– Я люблю котлеты, – сказала я, сама не зная зачем.

– И?

– У меня просто все, как на Фейсбуке, – статус «Все сложно».

– Ты же знаешь, нет у меня Фейсбука. Что за статус? Статус-кво?

– Понимаешь, Майя, проблема в том, что с тех пор как мы с Сережей разошлись, то живем буквально душа в душу. И я не знаю, что мне с этим делать. А почему у тебя нет Фейсбука? Сейчас у всех есть Фейсбук, даже у моей мамы. А она эсэмэски училась читать месяц. И ничего, научилась. У всех есть соцсети.

– Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца, – процитировала Пушкина Майя. – Нет уж, спасибо, я в реальном мире пока побуду. У меня ученик есть, так он в своем телефоне

постоянно сидит. Даже когда ко мне приходит. Так мы с ним и сидим, я ему – про неправильные глаголы, а у него телефон все «пилик», «пилик». Знаешь, как бесит. Спрашиваю, что там. Отвечает, что мим. Это что вообще значит? Бессловесный клоун с белым лицом? Который пантомиму делает? – Майка смотрела на меня незамутненным взглядом человека, не потревоженного технологиями.

Она относилась к тому редкому типу людей, для которых телефон – это только прибор для звонков домой. Как-то в свое время я пробовала научить ее принимать электронную почту, убила целый вечер, так она все надо мной смеялась и отвечала, что за это время она вполне успела бы на нормальную почту сбегать.

– Может, мэ? Картинка с надписью? – Майя пожалала плечами и кивнула, а затем осторожно спросила:

– От Ланнистера нет известий? – Я с ожесточением принялась расправлять простыню, словно та была в чем-то виновата.

– Майя, что ты от меня хочешь?! Соседей я предупредила, оставила ему еды, если он вдруг придет, а нас нет. К тому же, если что, Кира с Томкой позвонят. Думаешь, если бы у меня была информация от кота, я бы не прибежала к тебе в ту же минуту?

– Я знаю, понимаю, – принялась частить она.

Я помедлила, но потом шумно вздохнула, стянула простыню и потащила ее в ванну, бросила на стиральную машину.

Через несколько минут мы заходили к Майе в квартиру.

Квартира – зеркало души. Меня всегда удивляло, как личность влияет на окружающую среду. Хочешь узнать человека, зайди к нему в дом. Характер жильца всегда изменяет стандартную атмосферу как две капли воды похожих друг на друга квартир. Наши с Майкой квартиры были как близнецы, но которые с определенного момента прилагали титанические усилия, чтобы стереть и растоптать эту генетическую похожесть.

Мой дом – вместилище множества диванов и старых кресел, пледов и ковров. Большая часть мебели была куплена еще моим отцом, я добавила от себя только какие-то незначительные детали – стеллаж из ИКЕА, чтобы складывать детские вещи, лампа на прищепке, стойка для зонтиков, в которую я просто влюбилась, случайно попав на блошиный рынок. Множество вещей, купленных или полученных исключительно в связи с необходимостью, – дети, дети, дети. Все в моей жизни за последние шесть-семь лет было связано с детьми. Коляски, переноски, манежи, бесконечные игрушки и бесконечная обувь разных размеров. И посреди всего этого я – усталая, растрепанная, почти вовсе забывшая, что такое педикюр. Наслоения от всех моих ошибок нарастали и каждый год оставляли круги на срезе ствола моей жизни – на моей квартире. Каждый день оставлял след, даже сегодня

оставленный мною муж на моей кухне жарит котлеты. И горящее масло оставит пятно на полотенце, которым Сережа будет его оттирать от стола.

– Проходи, чего стоишь? Не волнуйся, Костика нет, – «обнадежила» меня Майя, засовывая ноги в небольшие бархатные тапочки на платформе.

Но я не волновалась, больше того, я считала, что нам с мужчиной ее мечты давно уже пора было познакомиться.

– Он у тебя – как призрак отца Гамлета, – пробормотала я.

– В смысле? – хмыкнула Майка. – Думаешь, такой же пугающий?

– Такой же неуловимый. Все о нем слышали, но мало кто видел.

Квартира Майи Ветровой мне всегда отчего-то напоминала любимую программу моего отца – «Кабачок “13 стульев”» из семидесятых. Потрепанные, но явно дорогие стулья из темного дерева, деревянные светильники на стене, этот мягкий, приглушенный свет, под которым так уютно читать. Бархатная портьера отделяла гостиную от прихожей. Все было подобрано, все было к месту и со вкусом, словно этот ретрохаос создавался по заранее задуманному плану, а не накапливался годами. Кресла с тонкими подлокотниками, даже любимая Майкина картина в стиле кубизм, которую она называла «мой кубик Рубика». На журнальном столике у Майки вечно валялось множество книг, но даже в этом

беспорядке была какая-то своя красота. Книги, по большей части старые, в обтрепанных обложках, с некоторым вкраплением современной учебной литературы по английскому языку. Плоский телевизор у стены – единственная Майкина современная техника, с которой она умела справляться, – выбивался из общей картины именно своими размерами и плоскостью, сюда куда лучше бы подошел пузатый телевизор семидесятых. Даже телефон у Майки дома был старый, почти антикварный, на проводе, закрученном в спираль. Машина времени, да и только. Я никогда не задумывалась, откуда в Майе столько ностальгии по времени, к которому, по сути своей, ни я, ни она никакого отношения не имели. Удивительно, но даже мои разрушительные по своей природе дети тут, у Майки, вели себя тише, становились словно на три тона воспитаннее, чем дома. Атмосфера влияла.

– И как Константин, обживается? – спросила я, оглядываясь вокруг в поисках изменений. Все-таки встречаться с мужчиной, даже часто, периодически – это одно. Жить с ним – совершенно другое.

– Он в основном обитает в другой комнате, – пояснила Майка, включая телевизор. Ах да, она же ненавидела тишину. В голосе ее прозвучала грусть.

– Ты рада, что он переехал к тебе? – спросила я. – Ты же счастлива, да?

– Я... да, конечно. – Майя улыбнулась мне, но улыбка получилась немного натянутой. – Я никак не могу привыкнуть

к мысли, что Ланнистер ушел. И потом, мне не кажется, что Косте тут комфортно.

– Почему? – удивилась я.

– Не знаю. Мне просто так кажется. Это невозможно объяснить, но он словно старается ни к чему не прикасаться, что ли. Словно на самом деле раздумывает, не совершил ли ошибку. Это все из-за меня.

– Ты надумываешь, Майя. У тебя просто бурная фантазия. Ты не должна этого с собой делать. Посмотри на меня. Посмотри на человека, который знает толк.

– Да-да, потому что ты психолог и разбираешься в людях, – кивнула Майя.

Я покачала головой:

– В людях разобраться невозможно, это же – как космос, набитый бесконечным мусором и обертками от конфет. Попробуй понять! Осколки и обрывки миллионов событий разной степени важности от первой любви до последней распродажи. Можно только немного расчистить пространство, чтобы было где жить и чем дышать. Но из всего мусора, что мы бросаем себе в подсознание, недовольство собой хуже всего.

– Хуже, чем, к примеру, быть виновным в убийстве? – с интересом спросила Майка.

– Ну, ты не сравнивай крайности. Чувство вины – оно как зыбучий песок, чем больше дергаешься, тем глубже вязнешь. Имей в виду, я знаю, о чем говорю, потому что я вырастила в себе такое чувство вины и недовольство собой, что из-за

них мне уже ничего не было видно. Даже моих собственных чувств. Буквально непробиваемая стена.

– А чем ты недовольна?

– Да мне не хватит пальцев на руках и ногах, чтобы пересчитать все. Хотя бы тем, что я – плохая жена. Я так долго боролась за звание жены года, что сама любовь стала какой-то вторичной. Сережа вообще ушел со сцены. Я как бы любила его по определению. По умолчанию. Default.

– Чего?

– Базовая установка. Не бери в голову, – махнула рукой я. – А ты знала, что я в свое время из-за своего чувства вины даже университет бросила?

– Ты бросила университет? – удивилась Майя. – Я думала... ты же психолог. Ты же что-то заканчивала, да?

– Я что-то заканчивала. Что-то – да. Но факультет экономики в нашем всеми любимом Государственном университете имени М. Ломоносова бросила, – ухмыльнулась я.

– И как же так вышло? Что поменялось?

– Что? Если честно, я не знаю. Я встретила Сережу, он был тогда женат, я увела его из семьи. Думала, что моя любовь может оправдать что угодно. Знаешь, такая огромная, от которой лопнуть легко. Я ведь всегда знала, что с Сережей не будет просто. Я даже не пыталась быть счастливой. Я скорее принесла себя в жертву.

– Зачем?

– А разве не понятно? Я хотела этого. Такая была потреб-

ность. Взойти на костер, как Жанна д'Арк. Если вдуматься, я так сильно прицепилась к Сереже, потому что с ним можно было жертвовать чем-то хоть каждый день. Университетом, своим телом, своей чистой совестью, своим домом, своими деньгами. Памятью об отце. Новая жизнь с чистого листа. В топку старые чувства. Отец тогда только умер, нас тогда обеих закрутило – меня и Файку. Но ее как-то меньше почему-то, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот. Она была ближе к отцу.

– Ближе? Почему?

– Ну, знаешь, я была с Земли, а они нет. С другой планеты, вообще не из нашей галактики. Как же это бесило! Они вечно решали задачки, ездили вместе на конференции. Файка читала его работы, увлекалась квантовой механикой, этими бесконечными Котами Шредингера, которыми она набила все мысленные коробки. А я с трудом курс высшей математики дотянула. Если честно, мне на экономическом факультете повеситься хотелось. Не мое это.

– Тогда твой уход оттуда нельзя назвать жертвой, – заметила Майка. – Куда хуже было бы выучиться на плохого экономиста и ненавидеть все, что ты делаешь.

– Возможно, ты права. За любой жертвой, как правило, стоит очень даже эгоистический мотив.

– Ты правда так считаешь? – переспросила Майя, как мне показалось, с радостью в голосе.

– Когда я училась на психолога, у нас было много раз-

ных предметов – социальная психология, психофизиология, методология, возрастная психология. Удивительно, что, чем дальше я уходила туда, на глубину, тем больше у меня возникало вопросов. Когда я только-только решила поменять всю свою жизнь, я была так уверена во всем. Я точно знала, что одно событие влияет на другое и что все это не случайно. Но теперь, говоря по правде, я понятия не имею, что именно двигало мной и что вообще движет людьми.

– Ненависть? Смутное чувство бесконечной несправедливости, которую от нас скрывают? Даже не скрывают, а маскируют – не очень удачно, – предположила Майя.

– В каком-то смысле – да. Сплошной обман и кругом какая-то матрица. Кто-то творит, что хочет, и ни малейших сомнений, ни малейших угрызений совести. А кто-то переживает, если на него косо посмотрели. И далеко не все объясняется тем, кормили ли человека грудью в младенчестве. И тем, шлепали ли его по заднице больше, чем надо. Только не говори Файке, что я поставила под сомнение Базовую Истину Психологии, а то она примется танцевать на моих костях.

– Людям хочется свалить все на других. Почему бы не на родителей, да?

– Все далеко не так просто, как описано в книгах по психологии. Что-то можно просчитать, а что-то совершенно невозможно объяснить. Одни и те же ситуации приводят к разным последствиям. Кто-то в сливках тонет, кто-то сливки сбивает в масло, а почему так – мы понятия не имеем. Мы

только наблюдаем и записываем. У одного мир рушится, а он приходит в себя и идет дальше. А у другого тишь да гладь, но ничего в жизни не получается. Двое детей, никакой работы, одни только прожекты. Руки в фарше, купленном на чужие деньги, и никакого желания хоть что-то поправить. Одни только отмазки.

– Ничего себе! – присвистнула Майя. – Неудивительно, что ты решила бросить мужа.

– Ага, бросила – только недалеко он что-то отлетел, – невесело пошутила я.

– А тебе... как сказать... стыдно, что ты его бросила? Испытываешь чувство вины? – спросила Майя. – Что? Чего ты улыбаешься?

– Да нет, Майка, ни черта я не испытываю никакой вины. А ведь должна бы, да? Ведь это же неправильно, и он – отец моих детей, и у жены я его увела, и вообще. Но вся наша жизнь, вся наша психология субъективна, и именно поэтому чувство вины – это не что-то такое неизбежное, это наш добровольный выбор.

– Ты меня потеряла, – рассмеялась Майя. – Добровольный выбор?

– Добровольный, но не всегда осознанный. Наше человеческое сознание – это же сокровенная тайна вселенной, самое большое чудо. Суди сама – мы знаем, что мы существуем. Мы знаем, что мы смертны. Мы не просто чувствуем это, а уверены. Мы умеем отличить прошлое от будущего, умеем

заранее просчитать последствия наших поступков. Но делаем все равно все по-своему.

– Ну, это не от осознания, это как раз по дури. Чтобы делать все по-своему, нужно сознание отключить. Инстинкты хищника.

– Конечно, можно попытаться провести границу, но зачем? Сознание против инстинкта. Лев, который в окровавленной пасти держит кисть и пишет Мону Лизу. Чего тут больше?

– Парадокс, разве нет? – спросила Майя.

– Парадокс – это только массив неучтенных данных. Нечто, что делает тебя тобой, а меня – мной. А Сережу – Сережей. Думаешь, меня не удивляет то, что он жарит на моей кухне котлеты? Он не оскорблен, не подавлен, не ищет объяснений и не требует их. Он – Сережа. У него не бывает чувства вины, ему всегда комфортно, его не мучает ни сознание, ни инстинкт. Гармония улитки.

– И никаких вопросов?

– Только по поводу того, где у нас соль, – кивнула я. – На кухне жены, которая вероломно бросила его.

– Под такое настроение, пожалуй, не чай, а коньяк пойдет. Держи. – И Майя протянула мне большой стакан с чаем в железном подстаканнике – такие штуки были только у нее и в поездах дальнего следования. – Значит, Сережу правда не интересует?

– Правда, Майка, переоценена. Правда – как хлорка, де-

дает мир чище, но вреда от нее больше, чем пользы.

– А ты его спрашивала, почему он не злится? Что сам Сережа говорит?

– Что он меня понимает. Что все бывает. И еще много всякой ерунды, в которой, по большому счету, нет никакого смысла.

– А в чем же тогда смысл?

– Я думаю в том, что он меня и сам разлюбил. Или никогда не любил, но эта версия мне нравится куда меньше. Мне кажется, я его никогда и не знала по-настоящему. Мне всегда казалось, что все можно поправить – если найти подходящую к ситуации книжку. Или тренинг. А сейчас я знаю, что «есть вещи, которые я в силах изменить, а есть те, что изменить не в моей власти. И я только ищу мужество принять это и увидеть разницу.

– Это ты мне девиз анонимных алкоголиков зачитываешь? Нельзя же быть такой наивной, в самом деле! – воскликнула Майка.

Я расхохоталась и подалась вперед.

– А ты всерьез считаешь, что Ланнистер ушел, потому что к тебе переехал Константин? Ты считаешь, что его уход – твоя прямая вина? Если хочешь знать, да, это твоя вина, только к переезду Константина не имеет отношения.

– В каком это смысле? – нахмурилась Майя.

– Ланнистер ушел, потому что ты в обморок грохнулась. Все перепугались, вот Апрельчик Файкин и оставил дверь

открытой. Он звонил в «Скорую». Впервые в жизни Ланнистера перед ним открылась дверь в большой мир, и он не упустил этой возможности. Если бы я была котом, тоже воспользовалась бы шансом. Возможно, он прямо сейчас экстремально счастлив. Может быть, у него любовь. Или даже две.

– Или его съели, – мрачно заметила Майка.

Я замолчала, что тут скажешь. Если человек хочет винить себя, он всегда найдет за что.

– Ну не дура ли? Лучше расскажи, вот чего ты в обморок упала? Чего с тобой в тот день-то случилось? В покер мне продула как дура.

Теперь замолчала сама Майя. Она поежилась так, словно ей вдруг стало холодно. И обняла себя двумя руками, защищаясь – от меня? Или от чего-то еще?

– Я не хочу об этом говорить, – пробормотала она.

– Не хочешь – не говори, – смирилась я. Нет, не смирилась. Любопытство, оно такое, от него кошка сдохла. Надеюсь, что не Ланнистер, тьфу, тьфу. – Ты деньги потеряла, что ли?

– Что? Деньги? Почему деньги? – вытаращилась Майя.

– Биткоины? Ты вложились в них, признавайся, глупая ты женщина? – Я посмотрела на нее фирменным взглядом «Шерлок, версия 2.0».

Майкины брови «полетели» вверх, ее серые глаза смотре-

ли на меня в полнейшем неведении.

– Что такое биткоины? – Майя таращилась на меня, ожидая ответа, и я тут же осознала, насколько была не права. Я говорю с Майей, как я могла забыть. Это вам не Фая, которая сама вручную хакнула программу управления нефтяными насосами, когда, как говорится, накипело и приспичило³. А Майя Ветрова, когда ее просят отправить письмо, спрашивает, есть ли марка, и идет на Почту России. Какие биткоины.

– Я просто подумала... криптовалюты сейчас вроде как рухнули, плохие котировки, и все такое, – неуверенно проворчала я, а потом добавила с некоторым даже обвинением: – Это сейчас модно – покупать эти биткоины. И ты же в тот день телевизор смотрела, когда упала. Новости про биткоины, будь они неладны. Во всяком случае, мне так показалось. Чего молчишь-то, а? Ладно, наверное, я перепутала.

– Ты не перепутала, – тихо ответила Майя. – И тебе не показалось.

– Нет? Биткоины? Seriously? – теперь пришел мой черед удивляться.

Майка помотала головой, а затем полезла в шкаф за упомянутым уже ранее коньяком. Пришло время выпить чего-нибудь покрепче.

---

³ Подробнее об этой истории в книге «Вторая половина королевы».

Глава 5. История Майи Ветровой, рассказанная ею самой

Обычно все, что начиналось словами «и что-нибудь покрепче», заканчивалось непредсказуемо. Майя достала из недр своего секретера бутылку хорошего армянского коньяка и включила «ящик Пандоры». Полились звуки рекламы – покупайте новую машину, если что, будет на чем уехать от жены. Я взглянула на нее вопросительно, она помялась, а затем попросила меня принести компьютер и «эту штуку, которой ты его к телевизору прицепляешь». Этой штукой был HDML кабель, но для Майи любые устройства с кнопками, а также их соединяющие элементы были «этими штуками».

– Зачем? – поинтересовалась я.

– Я хочу тебе кое-что показать.

– Что показать? – настаивала я. Мне было лень идти к себе за компьютером. Все-таки два этажа вверх, потом два этажа вниз. Даже если на лифте.

– Я не удивлюсь, если ты мне не поверишь, – ответила Майя, хоть это было и не то, о чем я спрашивала. – Я бы не поверила. Если бы я была на твоём месте, то решила бы, что брежу. Я покажу тебе кое-какого человека.

– Я на своём месте и постоянно брежу, этим меня не напугать, – усмехнулась я. – Ладно, давай принесу ноутбук. Толь-

ко у меня в последнее время он виснет постоянно, вирус поймал или что? За ним, когда меня нет, Сережа сидит. Он бог весть куда лазает на этом ноуте.

Майя покачала головой. Все, что связано с Сережей, бесило ее. Как и большинство моих друзей, родственников и знакомых. Иногда это бесило соседей и совершенно незнакомых людей. Нашу консьержку. Водопроводчика. Маму Игоря Апреля. Меня.

Через десять минут мы с Майей сидели перед плоским экраном ее телевизора, и я пялилась на изображение человека, которого Майка сочла необходимым зачем-то мне показать. Я его, конечно, знала. Его все знают – лицо этого человека, его все видели в фильмах, на афишах, в утренних шоу. Мне это лицо знакомо, как знакомо любому из тех, кто хоть иногда смотрит телевизор. Его имя – Иван Кукош. Имя вроде натуральное, не придуманное, хотя кто их – звезд – разберет, где у них имя, а где псевдоним. Это был мужчина средних лет, телосложения среднего и такой же средней красоты. Мужчина как мужчина, не красавец, не урод. Разве что лицо запоминающееся, в этом не откажешь. В молодости он был значительно смешней и как-то умильнее, тогда-то он и заработал себе народную любовь и славу. Повезло. Иногда удается попасть в правильное место, в правильное время, получить правильную роль. Звезды сошлись.

Харизма осталась, но сейчас черты лица у Ивана Кукоша стали резче и острее, волосы казались жесткими и стояли дыбом, как у уличного пса, но снимать его не перестали. Напротив, теперь стали даже больше, но в основном в ролях обаятельных злодеев. В «ящике» он появлялся часто – в ток-шоу и всяких передачах со звездами. У него был запоминаемый скрипучий голос, который я отчетливо вспомнила. Откуда я это вдруг вспомнила? Ах да, он же ведет довольно популярное радиошоу, оттуда. Иван Кукош всюду ходил в круглых темно-зеленых, почти черных очках, как у кота Базилио. Ничем остальным он не выделялся из пестрой толпы людей, заполнявших «ящик». Знаменитость.

– Как думаешь, он – хороший человек? – спросила вдруг Майя и посмотрела на меня внимательно, изучающе, как будто это был какой-то тест.

Я растерянно наморщила лоб, этот вопрос был настолько из разряда абсурдных, как если бы она спросила меня о вероисповедании пингвинов.

– Да кто их там разберет. Вряд ли вообще-то. Откуда в «ящике Пандоры» взяться хорошим людям.

– Просто бывает же иногда, что хороший человек совершает плохой поступок. Такое бывает, я знаю, такое возможно. Обстоятельства разные иногда складываются, – пробормотала Майя и посмотрела в экранные глаза Ивана Кукоша, словно пытаюсь найти там какой-то ответ. Словно она пыта-

лась его понять.

Только тут до меня понемногу начало доходить то, что Майя сказала раньше. Не биткоины. Что еще в тот злополучный день показывали по «ящику»? Что-то про культуру. Какая-то новость, но я, хоть убей, не помнила, что именно там было. Стеклашки темно-зеленых очков кота Базилио и какие-то очень традиционные слова про самобытность, про луковицу характеров. Почему я запомнила про луковицу? Иван Кукош, да, конечно! Это был он в той новости. Подсъемка в каком-то театре, я помнила: за спиной у актера были темно-бордовые театральные кресла. Бархат портьер.

– Это все из-за него?

– Да, из-за него, – согласилась Майя. – Его показывали по телевизору на даче...

– ...когда ты грохнулась в этот свой обморок, – закончила я за нее.

– Он был в новостях. Прямо перед этими твоими биткоинами, – улыбнулась Майка. – Забавно, что ты о них подумала.

– Только я не понимаю, какого лешего... Ты что, его знаешь?

– Да, знаю, – подтвердила Майя серьезно.

– Ничего себе! Вот это поворот. Как? Откуда? О, я поняла. У вас был роман? Он женат, да? У него есть жена? – Майкино лицо оставалось бесстрастным, непроницаемым. Она ждала, когда версии у меня кончатся, но я продолжала: – Он тебя

обидел? Ударил? Избил, как Марат Башаров?

– Нет, – покачала головой подруга.

– Ну, я не знаю. Он – твой внебрачный сын? Нет, погоди. Ты что, беременна от него? – воскликнула я.

– Ты стреляешь по мне вопросами, как из пулемета. Та-да-да-да. – И Майка изобразила воина с пулеметом наперевес. – У тебя фантазии хватило бы на три сериала. Беременна? Наверное, тройней. Ты забыла, у меня же Костик!

– Ну и что? Костик – это миф, и потом, – пожала плечами я, – сердцу не прикажешь. Никому еще никогда никакой Костик не мешал. У меня вон был Сережа, и что? Теперь вот мне Герман не звонит. И я ему звонить не буду, даже если мне для этого придется напиться на ночь твоим коньяком, чтобы уснуть. На сегодня, кстати, я уже норму выполнила.

– Лиза, я это ощущаю на себе! Ты можешь остановиться, мисс Марпл?

– Я слышу, слышу. Просто пытаюсь донести до тебя – люди попадают в самые разные ситуации, ты сама так сказала. Обстоятельства. Так я права?

– Ты права, но я не беременна.

– Ты уверена? – с сожалением переспросила я.

Майка пожала плечами и подлила коньяку. Мы молча выпили, многозначительно глядя друг другу в глаза, и тут подруга громко, со стуком опустила пустой бокал на стол – несколько капель разлетелось по столешнице.

– Если ты беременна, это дело временное. Если нет – это

тоже временно, – продекламировала она преувеличенно пьяным голосом, громко, с театральным надрывом.

– Ничего я не хочу тебе говорить, зря я это начала. Глупость все это. Забудь.

– Нет уж. Забудь. С ума сошла? – возмутилась я. – Глупость не глупость, а начала – так договаривай. Чего этот Кукош тебе сделал? Если не ребенка.

Майя раскрыла рот, словно хотела что-то сказать, но накрыла его ладонью и замолчала, обдумывая что-то. Затем помотала головой и посмотрела куда-то за мою спину, на шкаф у стены, набитый книгами.

– Знаешь, у нас был сосед, в детстве, очень злой мужик. Нет, неправильно, не злой – обозленный. Но не на нас, а вообще – в целом. Он был зол на жизнь и всех ненавидел. И все к этому привыкли. Мы иногда в гости к ним приходили, моя мать с его женой дружила. Так он вечно сидел у телевизора, смотрел новости, а у самого кулаки были сжаты, словно он еле сдерживается, чтобы по экрану не ударить. И все время шипел чего-то себе под нос. Однажды я подошла к нему и спросила, что он говорит. А он повернулся и посмотрел на меня. С такой, знаешь, осязаемой ненавистью, от которой кровь в жилах стынет. И сказал мне: «Их всех вешать надо на столбах».

– Кого – их?

– Не знаю кого, да и не важно это было. Всех «их». Тех, кто

виновен в том, что мир не такой, каким должен быть. «Вешать без суда и следствия, как собак». И именно на столбах – уж не знаю почему. Я спросила маму, почему на столбах, но она мне сказала, что это сосед просто так болтает, что это не всерьез. Что иногда люди просто ненавидят, без причин и оснований, и что это у них гормоны играют. Особенно у мужчин в определенном возрасте. Я никак не могла понять, как может не устраивать целый мир. Все равно ведь никакого другого нет и не будет. Для соседа это было просто чувство глобальной вселенской несправедливости. Он, понимаешь, хотел изменить мир и верил, что на это хватит столбов.

– Жуть какая, – сказала я.

– Жуть? Ну, в принципе, да. А потом я как-то узнала, что дядьку этого со скандалом уволили с работы. Вроде его подставили, и он на этом помешался, – продолжала Майя.

– Думаешь, правда подставили?

– Может быть, а может, и нет. Не знаю. Там все было очень серьезно, кто-то вроде даже погиб или калекой остался, и был суд. Он потом совершенно спятил с этим его «вешать на столбах». У него, знаешь, был взгляд человека, способного на убийство. Столько ненависти, что об нее можно было обжечься. И никакого чувства самосохранения, ни разума, ни любви. Я этого просто не понимала. Выкинуть свою жизнь на помойку, и ради чего? Ради некоей условной справедливости, до которой никому никакого дела?

– Но он же никого не убил по-настоящему, взаправду. Это

были только слова? – поинтересовалась я.

После долгой паузы губы Майи искривила горькая улыбка. Майя кивнула.

– Только слова, да. Тут ты права, – повторила она. А затем добавила: – Он меня обокрал.

– Что? Кто? Сосед этот? – опешила я.

– Иван Кукош, – ответила она, и я растерялась, не зная, что сказать.

Потом я нашла слова, самые дурацкие, бессмысленные и ненужные. Я сказала:

– Не может быть.

– Не может, согласна, – рассмеялась Майя. – Это звучит, как какой-то бред. Да это и есть бред. Иногда мне кажется, что я все это себе придумала. Острый случай клинического самовнушения. Потому что – ну как так, а? Иван Кукош – он ведь хороший человек, он муж, и он – отец. В конце концов, он – звезда. Я до сих пор не могу понять, как такое возможно. И деньги у него есть, и слава. Зачем? Да? – И Майя кивнула в такт тому, как кивала я.

Я допила коньяк в рюмке и закусила кусочком сыра – последним. Майя смотрела на меня с каким-то даже сочувствием. Она налила мне еще коньяк, но не себе, так и продолжая стоять с бутылкой в руке.

– Мало ли зачем. Мы не знаем, обстоятельства бывают разные. Может, он разорился, – предположила я. – Может, он вложил все свои деньги в биткоины.

– Да к черту твои биткоины, – расхохоталась Майя. – Он меня обокрал. И это правда, которая как хлорка. От нее действительно больше вреда, чем пользы. Я не сошла с ума, но понятия не имею, что с этим делать. Только вот тоже сидеть перед телевизором и злиться. Может быть, мне начать говорить, что их всех надо вешать на столбах. – Майя подняла вверх целую бутылку, словно предлагала тост. – Вешать их, на столбах!

– А что он у тебя украл? Откуда вообще ты его знаешь? – спросила я, все еще пытаясь сбросить ощущение нереальности происходящего.

Майя задрала руку, как если бы бутылка была горном, и сделала несколько больших, шумных глотков коньяку. Она пила из горла.

– Он был моим учеником, – сказала она, когда с коньяком было покончено.

Глаза ее увлажнились, но не потому, что она собиралась плакать, это все коньяк, я видела, Майя еле выдохнула. Она же «вообще-то не пила», а тут такое.

– Учеником? – удивилась я. – Сколько ему лет, сорок? Пятьдесят?

– Ему сорок шесть. Я подтягивала его английский.

– Зачем? Ты занималась с Иваном Кукошем? Здесь, в этой квартире? – уточнила я с сомнением.

– Да, – просто ответила Майя. – Ему нужен был хоро-

ший разговорный английский, потому что его пригласили сниматься в каком-то западном сериале. Акцент допускался, потому что его роль была – русский иммигрант, но говорить все равно нужно было бегло. Иван, когда пришел ко мне, по-английски почти не говорил, а роль очень хотел получить. Это ж международная известность, туда, на большой европейский экран, прорываются единицы. Он часто говорил, что, когда переедет в Голливуд, меня тоже туда выпишет. Он вообще был таким... – Майя замедлилась, подбирая слова, – открытым и приятным, особенно с виду. Я понимаю, актеры знают, как нравиться людям, но он действительно в жизни куда приятнее, чем на экране. Странное дело. Занимался он, кстати, неистово. Всем бы моим ученикам такую мотивацию. Смотрел фильмы с титрами, заучивал целые куски наизусть. Мог мне позвонить посреди ночи, требуя объяснить какую-нибудь языковую заковырку, которая ему спать не давала. Роль он, к слову, получил.

– Он тебе до сих пор нравится, – с удивлением отметила я.

– Я уже сказала, он – хороший человек, – грустно согласилась Майя. – Как раз вот такие моменты и делают наш мир совершенно чокнутым. Хороший человек, который совершил плохой поступок.

– Ты мне так и не сказала, что он украл.

– У него трое детей, – пробормотала Майя, проигнорировав мой вопрос.

– Я думала, что чуть ли не четверо.

– Вроде трое, – нахмурилась Майя, вспоминая. – Двое совсем маленькие, а дочери двенадцать. Ах да, есть еще сын от первого брака. Точно, как это я забыла!

– Ты заявляла в полицию о краже?

– Да. В полицию, к пожарным, в «Скорую помощь» и в «Камеди-Клуб» тоже написала, чтобы они уж сразу монолог про меня писали. Обхохочешься. Будет миниатюра дня. Как бредят репетиторы по английскому языку. И что, мол, никуда нельзя пойти-податься простой скромной знаменитости, чтобы тут же на него не навели ложной тени и всякого другого несправедливого обвинения.

– Я не понимаю, что именно он у тебя украл. У тебя что, была какая-то семейная реликвия? Икона, что ли? Залежи древних монет? Чаша Грааля? Что он у тебя украл? – спросила я.

Майя посмотрела на меня с вызовом, а потом предложила почитать новости.

– Новости? – вытаращилась на нее я.

Затем я убрала с экрана компьютера фотографию Ивана Кукоша и загрузила страницу. Майя ткнула пальцем в экран.

– Вот это, – сказала она.

Статья все еще висела в первых же ссылках, стоило вбить имя – Иван Кукош, – хотя и была датирована прошлым месяцем. Заголовок новости: «Невероятный дебют Ивана Кукоша». Я посмотрела на Майю, и та кивнула. Я кликнула на

новость. Выплыла большая, почти во весь экран, фотография: Иван Кукош стоит на сцене в просторной белой рубашке, подпоясанной кожаным ремнем. Его темные зеленые очки поблескивают, лицо одухотворенное, в руках он держит статуэтку.

«Литературная премия «Чистый лист» досталась известному актеру и шоумену за «Книгу брошенных камней», бестселлер № 1, продержавшийся наверху списка книжных продаж страны больше четырех месяцев».

Дальше текст пошел плотный, без абзацев, частоколом узкого шрифта, и мой взгляд стал рассеиваться, я выхватывала только круглые, типичные начала фраз. ... *Острый как бритва сюжет... пугающе холодный взгляд на животную природу человеческих инстинктов... история, от которой можно лишиться сна... тонкая грань между отчаянием и сумасшествием... месть, которая возвращается бумерангом... капкан... многослойный, сложный язык Ивана Кукоша... ведутся переговоры об экранизации...*

– И что? Что тут смотреть? – спросила я, ощущая какой-то неприятный холодок предчувствия. Я вгляделась в фотографию, но на Иване не было никаких даже условно дорогих вещей. Ремень? Ботинки? Бред какой-то. Статуэтка?

– Его книга, – сказала Майя. Голос был какой-то ватный, проваливающийся в снег.

– Что – книга? – все еще не понимая, спросила я.

– Ты ее читала?

– Нет, а что? Хорошая книга?

– Я не читала книгу, – покачала головой Майя. – А ты о ней хоть слышала?

– «Книга брошенных камней»... – Я покрутила название на языке. – Название какое-то пафосное. Детектив?

– В некотором роде, – кивнула Майя. – В той степени, в которой детективами называют книги, где есть убийца и его нужно поймать. Ты считаешь, название слишком пафосное?

– Смотря как его повернуть. Ну, вообще-то да, пафосное. Явная отсылка к Библии. Кто без греха, пусть бросит в меня камень. Это же оттуда?

– А ты знаешь предысторию этой фразы? Побивание камнями было видом смертной казни. В том смысле, что к ней официально приговаривали, как сейчас к инъекции яда. То есть если человека признавали виновным, то выносилось решение о «лапидации» – это от латинского слова «камень». Технически исполнялось это по-разному. К примеру, в некоторых течениях у иудеев человека не забрасывали камнями, а сбрасывали вниз на камни, однако, если приговоренный не умирал сразу, его добивали – сверху на приговоренного бросали камни, достаточно большие по размеру, чтоб убить. В Исламе, напротив, необходимо, чтобы камни были определенного размера – чтобы убить приговоренного не слишком быстро. Человек, берущий в руки камень, самим этим

действием выносил свой личный смертельный приговор, если хочешь, «вешал всех на столбах». В сути своей, камень в руке и есть орудие убийства.

– «Книга брошенных камней»... погоди, ты это оттуда цитируешь? – щелкнула пальцем я. – А говоришь, не читала.

– Не читала, – медленно кивнула Майя. – Я ее не читала, Лиза. Я ее написала.

Глава 6. Хороший человек

Я стояла и смотрела на Майю, открыв рот и растеряв слова. Я подумала – невозможно. Или... я опять ошибаюсь? Кто-то считает, что человек обязательно сделает то, ради чего рожден. Даже если не хочет. Даже если знает, что это неправильно. Даже если у него были другие планы. Это если, конечно, верить в судьбу. В то, что все в нашем мире предопределено – от полета фотонов света до того, во сколько сегодня с работы вернется мой муж. Особенно если он вообще не работает.

Моя сестра Фая в судьбу не верит, она говорит – судьба математически невозможна. И начинает нудеть про тот самый злополучный квант. Что, мол, сама наша вселенная не предполагает идеальных решений, что она приближительна, *вероятна* и что у нее всегда есть погрешность. Последние достижения физики убедительно говорят, что никто не может узнать точно, где и когда окажется фотон света в тот или иной момент. Иными словами, вместо судьбы и провидения она подсовывает мне «потому что потому, все кончается на «у». И Демон Максвелла у дверей в НИИЧАВО⁴, а Эйнштейн воздевает руки к небу и спрашивает, как же так.

---

⁴ Научно-Исследовательский Институт Чародейства и Волшебства из книги Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Разве же можно играть в кости на целую Вселенную!

Лично я верю в судьбу. Не так чтобы до глухой, ослепляющей уверенности в том, что каждое мое действие предопределено, а в то, что во всем этом есть какой-то смысл. А иначе – зачем? К чему столько сложностей: родиться в муках, расти, подвергаться опасности, влюбляться в «не тех» мужчин. Должна же быть какая-то логика, в том числе и в том, что говорит Майя, хотя смысл ее слов не так уж и очевиден. Я стою посреди гостиной моей подруги, моей соседки, моей соратницы в борьбе за личную свободу от детей и котов – в гостиной Майи Ветровой. Я не участник событий, я – наблюдатель, зачарованный раскрывающейся перед ним интригой. Одним своим присутствием я меняю направление спектра световых лучей. Воздействую на историю тем, что слушаю ее, и тем, что не верю в нее.

Невозможно.

У Майи украли книгу? Что она имеет в виду? Идею для книги? Купленную ею книгу? Рукопись – из тех, которые не горят?

– Я знаю, да, знаю, – кивнула Майя, внимательно изучая мое лицо. – Это звучит, как какая-то глупость.

– Не в этом дело, – вяло ответила я, а кровь зашумела в ушах, и мне захотелось просто взять, развернуться и уйти. – Не в этом дело.

– А в чем тогда ДЕЛО? – Майя вцепилась в меня глазами, как клещами, и не выпускала.

– Да ни в чем, – ответила я с неожиданной агрессией.

Я знаю, что повела себя глупо и что мое поведение иррационально. Что мне стоило улыбнуться, и согласиться, и сделать вид... Но я никогда не была хорошей актрисой, а сейчас меня занимала только одна мысль – как мало мы в самом деле знаем друг о друге. Майя Ветрова, смеющаяся красotka с серыми глазами и мягкими светлыми волосами. Она всегда была сумасшедшей или только-только сошла с ума? Да ведь она в десять раз нормальнее меня. Это я могу спятить – с моими вечными историями, в которые влипаю, с моими проблемами, сумасшедшими клиентками, мужчинами и непостоянным сердцем, пустым кошельком и моей вечной зависимостью от сестры.

– Ты мне не веришь, – вдруг ахнула Майя и сморщилась. – Черт, ты же не веришь ни единому моему слову, верно?

– Почему не верю, – запоздало сфальшивила я.

– Ты ведешь себя по-идиотски, – зло оборвала меня она.

– Что ж, я себя и чувствую по-идиотски!

Мне очень хотелось уйти, но я не могла этого сделать, для этого требовался какой-нибудь веский повод. Иначе это выглядело бы неприлично, грубо. Майя могла бы догадаться о том, что я думаю. А думала я о том, что, оказывается, оставляла своих детей с сумасшедшей женщиной. Это не такая

уж редкость, как многим кажется. Только в прошлом году на мою сестру напала бывшая клиентка ее идеального Игоря – чистая шизофреничка, у нее и справка была. Но до этого она какое-то время притворялась и пряталась, и никто не замечал, и никто, как говорится, не просек. Вдруг и Майя тоже... не без справки, как говорится. Книгу украли у нее, что дальше? Вешать на столбах, опять же. Тьфу, глупость какая.

– Знаешь что, мне все равно. Не веришь – не надо. Черт с тобой, – разозлилась Майя.

Опасно. Красный свет – ходу нет.

– Если ты говоришь, что Иван Кукош украл книгу, почему бы мне не поверить, – пробормотала я, ласково улыбаясь и просчитывая маршруты отхода.

Майя холодно улыбнулась в ответ.

– Какой тонкий сарказм. Хотя нет, не тонкий. Толстый, жирный, как шпроты в масле. Посмотри на меня. Прямо в глаза. Почему ты совершенно уверена, что это неправда? – неожиданно агрессивно спросила Майя. – Чего в этом невозможного? Что я написала книгу или что ее украли? Или тот факт, что ее именно Кукош украл? Что именно из вышеизложенного кажется тебе таким невозможным? Или ты настолько меня не уважаешь, что не считаешь нужным даже объясниться? В конце концов, я должна иметь право защититься.

– От чего защищаться-то, Майя, я ж на тебя не нападаю, в конце концов. И не мое это дело, если уж на то пошло.

– Теперь уж немного твое, разве нет? – скривилась

Майя. – Раз уж мы немного обсудили это. Так в чем проблема? – Она говорила, как из пулемета строчила. Глаза сверкали, вооруженные молниями.

Я посмотрела прямо на нее. Черт с ним, не зарежет же она меня. Хотя...

– Хорошо, изволь – *обсудим* еще. У тебя украли книгу. Допустим. Украли, издали, вручили премию, теперь вот фильм хотят снимать. Видать, хорошая книга. Нет, правда, как иначе-то? Только вот почему я впервые об этой книге слышу? Не вообще, а от тебя впервые о ней слышу? Если все это – правда, как так вышло, что я ничего не знала о том, что ты *пишешь*? Такие вещи не за пять минут делаются, – ответила я, тоже почти плюясь словами. Я злилась и не могла точно сказать, на что именно.

– Не за пять минут, ты права. Такие вещи за пять лет делаются, если быть точной, – ответила Майя. – И с чего бы мне ее показывать тебе? Я почти никому не показывала свою рукопись, потому что, черт подери, не считала ее хорошей. Я же не Толстой, верно? Да и вообще сжечь хотела.

– То есть ты – Гоголь, – против воли хихикнула я. Майка с непониманием посмотрела на меня, а затем тоже улыбнулась – но зло, только кончиками губ. – Значит, ты хотела рукопись сжечь, а Иван Кукош ее у тебя украл?

– Примерно так.

– Из огня выдернул? А с чего ему вдруг у тебя ее красть? Я имею в виду – зачем знаменитому и популярному Ивану

Кукошу влезать в такое дерьмо? У него что, денег не хватает? Книгопечатание – не самый логичный способ заработать. Тем более красть книгу у своего репетитора по английскому. Потому что, во-первых, книга может не принести тех денег, на которые ты рассчитываешь, во-вторых, репетитор по английскому может увидеть тебя в новостях, упасть в обморок, а потом побежать в полицию и к адвокатам. И ты немедленно окажешься в полной заднице, доказать авторство в наше время не так и сложно. Но он, конечно, так поиздержался, что пошел на все эти риски. Черт, актеры иногда такие тупые. Ладно, Майя, если ты говоришь, что это правда, – я тебе верю.

– Да пошла ты знаешь куда, – пробормотала она. Зло и горячо, как полыхающий в пожаре дом.

Я отшатнулась, а затем осторожно кивнула.

– И пойду – куда скажешь. – Я направилась к столу собирать вещи.

Майя меня не удерживала. Она смотрела на то, как я отключаю компьютер от телевизора, как резкое, даже строгое лицо Ивана исчезает с экрана, как захлопывается крышка ноутбука. Майя стояла там, в тени, в углу, злая, взбешенная, оскорбленная мной. Черт. Наблюдатель не участвует в событии, но он на него влияет. Меняет поведение элементарных частиц, трансформирует волны в линии, превращает воду в вино.

Опять я влезла в историю.

Вещи были собраны. Свет падал на меня сверху, от люстры с мягкой тряпочной обивкой. Я не знала, как реагировать на безмолвный образ оскорбленной Майки. Я не знала, что сказать. Как рыба стояла и раскрывала рот, пока мне не стало окончательно ясно, что слов мне не найти.

– Уходи, Лиза, – сказала она. – Уходя – уходи.

– Тебе нужна помощь, Майя. Профессиональная причем.

– Психиатр, да? – Она расхохоталась. – А ты просто сама проницательность. Нет, Лиза, не нужен мне психиатр, потому что я совершенно нормальная. Хотя нет, таких людей не существует, кроме Апреля, конечно. Все мы, так или иначе, немного свихнулись. Еще с детства, когда нас всех впихивали в узкие штаны этой вашей пресловутой «нормы», ломали под нее, стесывали острые края топорами. Но я достаточно адекватная, чтобы понимать, что правда, а что ложь. Что вымысел, а что реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.